
М. Р. С. Касезьян
УЖАСЫ ПОМЕСТЬЯ ХАГЛИН
В переводе Екатерины Лобковой
18+

Роберт Касезьян

Ужасы поместья Хаглин

Серия «Чердак: готические романы»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74705416
М. Р. С. Касезьян. Ужасы Поместья Хаглин: РИПОЛ классик/Дом историй; Москва; 2026
ISBN 9785005809766

Аннотация

После сорванной свадьбы леди Вайолет Торн, писательница, сбежала из шумного Лондона в провинциальный городок. Но и здесь ей нет покоя: к Вайолет обращается за помощью незнакомая женщина, которая утверждает, что ее подругу якобы держат в плену. Тем временем в городе происходит одно кровавое убийство за другим, и вскоре Вайолет понимает, что остаться в стороне не удастся. К счастью, у нее есть верные помощники – Руби Гибсон и инспектор Хефти. Какая разница, что они герои книг Вайолет, и существуют только в голове писательницы? Будьте уверены, это не помешает им принять активное участие в расследовании!

Содержание

1	6
2	11
3	14
4	19
5	29
6	34
7	40
8	52
9	63
10	70
11	82
12	93
13	103
14	115
15	126
16	133
17	139
Конец ознакомительного фрагмента.	150

М. Р. С. Касезьян
Ужасы Поместья Хаглин

The Horror Of Haglin House © M.R.C. Kasasian 2023
© Лобкова Е. В., перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», Издательство «Дом историй», 2026
В оформлении обложки использованы материалы по лицензии агентства Shutterstock, Inc

Тигги с любовью

М.Р.С. КАСЕЗЬЯН

УЖАСЫ ПОМЕСТЬЯ ХАГЛИН

1
В бегах

5 июля 1894 года

Хетти Грейнджер оправила мою фату, хотя та и без того лежала ровно. Я подозревала, что она пытается отвлечь нас обеих.

– Ты прекрасно выглядишь, Вайолет, – сказала она.

Ее опаловые глаза переливались в солнечном свете, проникавшем через большое окно Тетбери-Холла.

– Вылитая… – начала мама – и запнулась, не в силах назвать никого, на кого я была бы похожа. – Вайолет, – неловко закончила она.

Мой отец был человеком высоким и крепким, с римским носом и квадратным подбородком, – почти во всех отношениях противоположность мне, его старшей дочери. Однако он наделил меня густой копной черных волос и голубым правым глазом. Моя мать – высокая и крепкая, с орлиным носом и острым подбородком, – подарила мне зеленый левый глаз и бледную кожу.

«Не делай этого», – в третий раз за утро попросила Руби, но я шикнула на нее. То, что она никогда не выйдет замуж,

не означало, что я должна следовать ее примеру. «Это узаконенное рабство».

Мой троюродный брат Ромул рысью спустился по лестнице. В красной форме капитана Суффолкского полка с золотой тесьмой и желтыми манжетами он был великолепен.

– Вот это красота, – отметил он.

– О, спасибо, Ромми, – промурлыкала мама, хотя мне казалось, что Ромул смотрел на меня, и он подмигнул.

Он был моим самым близким родственником мужского пола; все мои братья сгинули от болезней, насильственной смерти, жестокости морей – или просто сгинули.

Роза, моя последняя живая сестра, выглянула наружу, чувствуя себя неловко в коралловом платье. Она бы предпочла гоняться в бриджах за мелкой дичью.

– Карета подана, – объявила она, и я поглядела на карету, стоявшую на подъездной дорожке.

Ее украшал герб Торнов – в бордовом щите лазоревый восстающий баран.

От семейной часовни нас отделяла сотня ярдов, которые я быстрее прошла бы пешком, если учесть, сколько времени ушло на то, чтобы расправить и перерасправить мое атласное платье, когда я влезла в карету и вылезла из нее, но отец и слышать об этом не хотел.

– С таким же успехом можешь приехать на велосипеде, – сказал он, и идея пришлась мне по душе.

Джек посмеется, увидев это.

Преподобный Мэтьюс в полном облачении стоял на крыльце, но с ним было что-то не так – более не так, чем обычно. Он был сутул и нерешителен, и по выражению его лица, обычно раздражающе веселого, можно было подумать, что он ведет меня на виселицу.

«Это потому, что он сам хочет заполучить тебя, – заверила Руби, – но со ста сорока фунтами в год ему придется довольствоваться толстозадой горничной».

Мэтьюс провел пальцами по своим рыжим кудрям, поскрипел подошвами коричневых ботинок по гравию и прочистил горло.

– Я испытываю меньшее волнение, чем вы выказываете, – поддразнила я его, но он даже не попытался улыбнуться.

Только протянул мне конверт, на котором печатными заглавными буквами было написано «Для леди Вайолет Торн». Не успела я взять письмо, как отец выхватил его и вскрыл.

– Мистеру Рэйвену нездоровится? – спросила я.

Правда ведь, если бы Джек умер, они бы не позволили мне зайти так далеко, прежде чем сообщить эту новость?

«Это почерк Джека, – нетерпеливо сказала Руби, которая слышала мои мысли, когда их не мог слышать никто из моей семьи. – А мертвецы не пишут».

«На спиритических сеансах – еще как пишут», – возразил инспектор Хэвлок Хефти, и я предоставила им спорить.

Эти два героя никогда друг друга не любили.

– Его принесли только что, – пробормотал Мэтьюс, из-

бегая смотреть мне в глаза; из этого было очевидно, что он имеет представление о содержании письма.

Отец сжал кулак с письмом, и мышцы его лица так напряглись, что я испугалась – вот-вот монокль поранит его либо разлетится вдребезги.

– Я с него живьем кожу сдеру, – провозгласил он, и Хетти коснулась моей руки. – Мерзкая нутрия! – ярился отец.

Оглядываясь назад, я могу сказать, что он выбрал неожиданное животное, поскольку никто из нас ни разу не видел нутрии, кроме как на цветной иллюстрации в «Естественной истории Южной Америки» Фортескью, но в ту минуту у меня были другие заботы.

Ромул выдернул смятую бумагу из руки отца и расправил, встав рядом со мной, чтобы мы могли читать вместе.

– Он за это поплатится, – мрачно пообещал Ромми, пока я неверяще перечитывала короткую записку.

Я обнаружила, что все эти палки и камни – ерунда. Раньше я не знала, что слова могут причинять физическую боль и то из них, которое должно быть самым добрым, может оказаться самым жестоким.

«От всего сердца вечно любящий тебя Джек», – значилось в подписи, а дальше стоял крестик, изображая поцелуй, которого никогда не будет.

Выронив смертельно раненный букет на гравий, я за неимением велосипеда побежала обратно к дому.

Первой меня нашла служанка Агнуст, которая знала все

мои убежища, кроме двух.

– Он сказал, что недостоин, – прошептала я, не в силах поверить.

– Как пить дать, недостоин, – подтвердила она, схватила меня за плечо одной массивной шестипалой рукой и другой повернула мою голову за подбородок, чтобы я посмотрела на нее. На ее лице появилось незнакомое выражение – тогда я приняла его за раздражение, но позже поняла, что это была ненависть. – Хотите, я его убью?

– Не волнуйтесь, – спокойно ответила я. – Я сделаю это сама.

2
Грязные изверги и волшебный карандаш

Руби Гибсон колебалась, но в ее грудь упиралось дуло маузера С78, и она не могла надеяться, что одолеет своего заклятого врага со связанными руками и кандалами на ногах.

– Ложитесь, – приказал граф, и Руби, продолжая сопротивляться, неохотно повиновалась. – Вам повезло, – сказал он с заметным брагисландским акцентом, – потому что я даваю вам гроб, который больше, чем вы давали моему брату.

– Он был гнусным извергом, – заявила Руби, – и я жалею лишь о том, что пираньи так быстро его сожрали.

Граф провел пальцем по старому шраму на щеке, оставшемуся после их перестрелки из пистолетов на северной стене Маттерхорна.

– По последней мере, я могу хоронить его голову в склепе моей благородной семьи, – прорычал он, – а вы, мисс Гибсон, развеетесь по ветру.

– Вам это с рук не сойдет, граф Ворольски Зуграveску, – твердо предупредила Руби.

– Боюсь, что теперь, как говорится, моя взяла, – усмехнулся граф. Его желтые глаза сверкали, как змеиные, в неровном

свете факела, который держал над ней Игорович. – На этот раз вы от меня не уходите, – злорадно пообещал он. Из раны, которую ее рапира оставила на его покатом лбу, струилась кровь. – Этот гроб, он сделан из прочной стали толщиной в дюйм. Я закрою его на засовы и навешу замок. В нем нет отверстиев для воздуха, и поверьте, мисс Гибсон, вы будете молить Бога, чтобы потерять сознание прежде, чем Игорович разожжет под вами огнище.

– Вы грязный изверг и безграмотная скотина! – прокричала она, а граф Зугравеску разразился безудержным хохотом.

– Прощайте, мисс Руби Гибсон. Вы в последний-распоследний раз мешали моим планам, – прокаркал он, и Игорь захлопнул крышку. Темнота была черна как смоль.

Едва засовы встали на место, как Руби Гибсон почувствовала, что стальной гроб становится горячим, но она была англичанкой и не собиралась отчаиваться.

– Вы не так умны, как вам кажется, граф Ворольски Зугравеску, – вызывающе пробормотала она. Считаные секунды отделяли внештатного расследователя Руби Гибсон от мучительной смерти, но у нее имелся еще один трюк в запасе.

=♦=♦=♦=

Я положила свой волшебный карандаш Aikin Lambert & Co, зеленый корпус которого был украшен перламутровыми цветами. Не люблю писать ручками. Мои пальцы могут засвидетельствовать, что чернила только и ждут случая растечься, разбрызгаться или размазаться, и да помогут небеса тому, кто неосторожно намочит исписанную страницу.

«Чтоб мне провалиться! – подумала я. – Как, черт возьми, нам выбраться из этой ситуации?»

«Судя по тому, как разогревается этот гроб, без черта не обошлось, – сказала Руби. – Сделай что-нибудь, Торн, да поскорее».

«Обязательно», – пообещала я, намереваясь выполнить обещание, как только придумаю, что тут можно сделать.

3
Тонкий лед и головорезы

5 июля 1895 года

Луна была почти полная, и мы порадовались этому, когда покинули освещенные газовыми лампами улицы Верхнего Монтфорда. В Монастырском парке освещения не было, поскольку все фонарные столбы были раскурочены; говорили, что это дело рук головорезов, но в нашем суффолкском ярмарочном городке не водилось такой экзотики со времен монтфордского маньяка.

Здесь мы замедлили шаг. Дорожка, шедшая прямо через парк, была достаточно широкой, но земля, разъезженная по весне, во время летней жары запеклась коркой, так что нам с Геррундом приходилось крепко держаться за ремни, чтобы не врезаться друг в друга и не свалиться на пол. В юности у меня был бы целый турнюр на спине и несколько слоев ткани под задом. Теперь же на мне были только красно-коричневое хлопчатобумажное платье и одна нижняя юбка – не слишком надежная защита от бугристой кожаной скамьи.

– Первая прохладная минута за весь день, – заметила я, заново завязывая ленту шляпки, так как на открытых местах

дул приятный ветерок.

– Я бы не возражал против маленького шторма. – Геррунд пальцем оттянул изумрудный платок, тщательно уложенный у него на шее.

– Не искушайте судьбу, – предупредила я, вспомнив тот раз, когда стоило ему пожаловаться на дорожную скуку – и на следующем повороте наш поезд сошел с рельсов.

Я говорила, что ему не нужно надевать под темно-синюю шерстяную куртку зеленый жилет, но он непреклонно заявил, что летняя жара не повод для послаблений. Плохо одетый слуга портит репутацию госпожи, настаивал он, но сильно потеющий слуга доставлял госпоже еще больше неудобств.

«Куда мы едем?» – спросила Руби.

«Подожди, и увидишь», – сказала я. Я понимала, что это звучит неприятно, но она постоянно донимала меня с тех пор, как Зугравеску заманил ее в ловушку.

«Предлагаю сделку, – сказала я ей за завтраком. – Я буду выпускать тебя днем, если ты дашь мне спать ночью».

«Не смей винить меня за то, что плохо спишь по ночам», – запротестовала она, но мы обе знали, кто сегодня закричал «Вытащи меня отсюда!» в три часа двенадцать минут утра.

«Так и быть», – с неохотой согласилась она, поскольку не любила идти на уступки, но я знала, что она выполнит свою часть сделки. «Но за всех остальных я говорить не могу», – предупредила она.

Справа послышался шорох, и Геррунд, который, как всегда, был начеку, повернулся в сторону звука.

– Убирайтесь! – крикнул Бирюк со своего высокого и удобно подрессоренного насеста. Из кустов появились фигуры детей с протянутыми в мольбе руками. – А не то попробуете моего кнута.

Я постучала зонтиком по крыше.

– Солнца-то не будет, – предупредил Бирюк, увидев, что я взяла зонтик, и недоверчиво выслушал мое объяснение, что материал подходит к платью.

У него даже штанины были разного цвета.

– Не трогайте их, – велела я.

– Это уличные босяки, – возразил он, употребив недоброжелательное слово, которым здесь называли беспризорных детей. – У них нет чувств.

– Постоим минутку.

– Минутку постоять не заставишь, – философски заметил Бирюк, который любил понимать сказанное буквально. – Они всегда уходят.

– Остановитесь, – повторила я, упростив приказ.

– Еще чего, – с вызовом ответил он, однако Старушка Куини встала.

Ни ей, ни ее хозяину не хватило духу задавить маленькую девочку, которая вышла на дорогу впереди.

Бирюк угрожающе поднял кнут, но я никогда не видела, чтобы он применял это орудие, паче чаяния – к своей лоша-

ди.

Я расстегнула сумочку, залезла в кошелек с мелочью и высыпала горсть монет. Дети бросились искать их в редкой сухой траве.

– Давай. – Бирюк встряхнул вожжами, и мы снова тронулись. – Такое их только поощряет, – сообщил он мне.

– Поощряет делать что? – спросила я. – Есть еду? Сразу видно, что у них ее многовато.

– Правду сказать, – раздумчиво протянул возница, – гляделись они полуголодными. Или полусытыми. Не знаю. Да только так или не так, – решительно заявил он, – а место им в работном доме.

Мне не хотелось напоминать, что он не сможет заниматься своим ремеслом вечно и, будучи бессемейным, вполне может сам оказаться в упомянутом заведении, однако Геррунду мои соображения были неведомы.

– Тебя навещать придут, – пробормотал он, но нас отвлек лай лисы.

– Это была лиса, – объяснил Бирюк, – она лаяла.

Я чуть не сказала: «Ах, неужто? А я-то подумала, что это соловей». Но не хотела даже представлять, как он будет объяснять, что я ошиблась.

Мы доехали до горбатого деревянного мостика через реку Монт, которая разделяла наш город надвое, и Старушка Куини не без труда стала взбираться в гору, а я с тоской посмотрела вниз. Ребенком я плавала в этой воде – и отдала бы зо-

лотой соверен, чтобы иметь возможность делать это сейчас. Мы перевалили через верхнюю точку моста, и Бирюк натянул вожжи, когда Старушка Куини заскользила вниз по гладким доскам. Однажды я видела, как на мосту перевернулась телега из-за того, что лошадь оступилась. Возница упал в реку; группе отдыхающих это казалось забавным, пока его не выловили мертвым, что несколько подпортило им пикник.

Мы находились уже в дальнем конце парка, и перед нами расстилался Нижний Монтфорд, темный и недружелюбный. По сравнению с верхней частью города он представлял собой другой мир, хотя и назывался так же. Верхний Монтфорд был относительно процветающим местом. Нижний же населяли люди, которых реформатор Чарльз Бут отнес бы к низшим классам, порочным и полукриминальным. Хотя насчет «полу» я не была уверена.

– Еще не поздно повернуть назад, – заметил Геррунд.

– Повернуть взад, говоришь? – переспросил Бирюк, ослышавшись – я заподозрила, что намеренно.

«Трусы», – усмехнулась Руби, которая не медлила, прежде чем войти в Деревню мертвецов.

– Нет, – настойчиво повторила я. – Едем дальше.

Луну закрыло зловещее облако, но я никогда не умела прислушиваться к предупреждениям. «Я же говорил, что лед тонкий», – проворчал свинопас Шиллидж, когда я пришла в себя.

4
Культи и ношение лиц

Чарльз Джон Хаффем Диккенс останавливался в отеле «Парадиз», и местные жители не уставали возмущаться тем, что Монтфорд не заслужил даже беглого упоминания в «Посмертных записках Пиквикского клуба», где была увековечена гостиница «Ангел» в Бери-Сент-Эдмундсе. Впрочем, утверждается, что Диккенс уподобил наш городок улыбке на лице Суффолка. Мой троюродный брат Ромул заявлял, что если это правда, то Нижний Монтфорд – гниющий коренной зуб.

В Верхнем Монтфорде имелись скверы, усаженные деревьями, и ухоженные сады. В Нижнем убогие ряды домиков громоздились друг на друга вдоль узких извилистых улочек, из которых немногие были вымощены. Свет луны ослабел вполовину, и Бирюк остановился, чтобы зажечь фонарь на переднем краю крыши экипажа. Я понадеялась, что с фонарем ему и, что еще важнее, Старушке Куини будет лучше видно дорогу, потому что я выиграла от появления света не так уж много – всего лишь более ясный вид на лошадиный зад.

Мы выехали из Монастырского парка и пересекли Сальвейшн-роуд, направляясь к Нижнему Монтфорду. Мрачные

средневековые лачуги нависали над проезжей частью, причем некоторые накренились так сильно, что можно было перешагнуть с третьего этажа одного дома на третий этаж другого, если вас не обременяли юбки.

– Не по душе ей здесь, – сообщил нам Бирюк, хотя я подозревала, что нервничал скорее возница, чем кобыла, поскольку Старушка Куини, не колеблясь, спокойно пошла по первой улице.

Это не в упрек Бирюку, так как я не могла сказать, что слышала об этом месте разные отзывы – только плохие. Инспектор Стэнбери из полиции центрального Суффолка рассказывал мне, что никогда не посылал туда констеблей поодиночке, а при малейшем намеке на неприятности в Нижний Монтфорд шли вчетвером. Сержанта Уайта, который пять лет назад отправился туда один, больше никто не видел, хотя его искали и перевернули вверх дном все лачуги.

– Пригнись, – посоветовал Бирюк сам себе, проезжая под покосившимся балконом, но чуть не забыл последовать этому совету.

Мы резко повернули налево, затем еще более резко направо и поехали по длинной изгибающейся улице, которую пересекали переулки, порой такие узкие, что было непонятно, как по ним ходят. Некоторые двери были открыты, но в домах почти не было света, а их обитатели стояли или сидели на крыльце, угрюмо наблюдая за нами.

Следуя указаниям Геррунда, мы, петляя, продвигались к

центру; по крайней мере я на это надеялась, поскольку быстро потеряла направление. Город походил не столько на муравейник, сколько на лабиринт в лабиринте, и если бы меня высадили из кареты, я бы не смогла из него выбраться. Еще запутаннее наш маршрут стал, когда путь преградила обвалившаяся стена домика, выстроенного из камня и земли. Пришлось возвращаться по своим следам.

– Когда-нибудь эти улицы осветят, – предположила я скорее с надеждой, чем с уверенностью: вряд ли какая-нибудь компания потратится на прокладку труб в нищих кварталах.

– Лучше бы снесли, – проворчал Геррунд и постучал тростью по крыше. – Эй, кучер, дальше культя.

Бирюк был хорошим кебменом, но его мать, не удовлетворившись тем, что дала сыну столь непривлекательное имя, позволила младенцу ухватить раскаленный уголек, чтобы преподать ему урок. Поэтому левая рука у него была изуродована. Впрочем, от этого была и польза, так как Бирюку сильно мешало заниматься своим делом неумение различать лево и право.

– Вы уверены? – переспросила я, потому что мне казалось, что мы возвращаемся.

– Вроде да, – ответил слуга, но менее уверенно, чем мне хотелось бы. – Я сюда редко заглядываю.

«Он потерялся, – заявила Руби. – И понятия не имеет, где мы».

– Джем, кого там принесло? – спросил из тени какой-то

мужчина.

– Этих, из Верхнего, – ответил другой мужчина, предположительно Джем, и я разглядела два силуэта в окне первого этажа.

Любой, кто не был уроженцем Нижнего Монтфорда, считался выходцем из Верхнего или, что еще хуже, иностранцем – к этой категории относились все прибывшие из-за пределов Суффолка.

– Да кирпичом в них, и все.

– Если попадете в мистера Герви, он вывернет вам лица наизнанку, – предупредила я, не зная толком, что это значит, но надеясь, что прозвучало грозно.

– Чего? – спросил Бирюк.

– Как пить дать выверну, – подтвердил Геррунд высоким голоском, который, вероятно, должен был напоминать голос Герви. Геррунд, в отличие от меня, с ним встречался.

– Разрази меня гром! – воскликнул не-Джем.

– Герви здесь… – начал Бирюк.

– Мы шутим, – неубедительно пояснил не-Джем.

– Ага, – подтвердил Джем, и фигуры исчезли, грохоча сапогами по голым доскам.

«Я использовала этот прием в „Дубе с привидениями“», – пожаловалась Руби.

«Да, но авторские права принадлежат мне, хотя толку-то с них».

– Герви здесь нет, – растерянно договорил Бирюк, но шаги

уже затихали.

– Он был выдуман, – объяснила я, когда мы продолжили путь.

– Ничего он не выдуманный, – заупрямился Бирюк, – я его видал раза на два больше, чем два.

– Здоровая, – сказал Геррунд, и мы повернули направо.

– Я думала, что мы проезжали по этой улице пять минут назад, – сказала я; мне показалась знакомой мертвая дворняга.

– То есть вы думали об этом пять минут назад или мы делали это пять минут назад? – попытался уточнить Бирюк.

– Да, – ответила я и оставила его размышлять над ответом.

– Я уверен, что это правильная улица, – заявил Геррунд таким тоном, что мне показалось, будто он вовсе не уверен. Он вытянул шею и прищурился, вглядываясь, но мне это никогда не помогало и ему, похоже, тоже не помогло. – Почти.

Я прислушалась.

– Звучит многообещающе.

«Хотя и не особенно заманчиво», – заметила Руби.

В двадцати ярдах впереди вспыхнул свет и поднялся такой шум, что трудно было понять, праздник там или бунт.

– Скорее всего, это просто драка, – произнес Геррунд, тщетно пытаясь меня успокоить, когда кеб стал тормозить. – Здесь они не редкость.

Море света хлынуло из дверного проема, когда на улицу вывалилась растрепанная женщина. Шатаясь, она побре-

ла через поток нечистот, выбралась на другой берег и уковыляла в тень. Дверь захлопнулась, и мы снова оказались в кромешной тьме. Небо затянуло еще плотнее, поэтому я обрадовалась, увидев впереди желтое пламя лампы, висевшей высоко на стене.

Мы остановились.

– Приехали, – объявил Бирюк через люк в крыше экипажа.

– Но еще десять ярдов, – возразила я.

– Пешочком. Я не вижу, что там, но Старушка Куини видит.

Геррунд перегнулся через дверцу и посмотрел вбок.

– Здесь канава, – объявил он, – прямо поперек дороги.

– Прекрасно, – вздохнула я.

– Ничего прекрасного, – поправил Бирюк. – Дело плохо. Мне придется сдать назад, а лошадь к тому не приспособлена. – Он сплюнул в ночь. – Она мордой вперед ходит.

– А иначе никак? – спросила я.

– Нет, – категорично заявил кучер. – Мордой вперед, и никак иначе.

– Есть другой путь, – ответил Геррунд. – Но придется вернуться назад, обогнуть весь город и заехать с другой стороны. Это займет не меньше часа.

Он слегка поправил котелок. Котелок тоже был изумрудный. Я видела у него не менее шести экземпляров разных цветов.

– Вот незадача, – пробормотала я.

– Незадача, говорите? – спросил Бирюк. – Это не просто незадача. Это чертова докука.

Геррунд достал из сумки безопасный фонарь, поднял стеклянную трубку и зажег фосфорную спичку, на мгновение ослепив нас вспышкой. Он поджег фитиль и снова опустил дымоход, задул спичку и переломил ее для пущей уверенности, прежде чем выбросить. Мы оба помнили свой визит в Келхэм-Сент-Джеймс, где Геррунд подпалил метан в выгребной яме, подорвав заброшенную молочную ферму и едва не подорвав нас самих. Моим бровям потребовалось несколько месяцев, чтобы отрасти вновь, и я сомневалась, что ресницы когда-нибудь распрямятся.

Бирюк дернул за шнур, открывая дверцы, и Геррунд, сидевший со стороны культи относительно меня, вышел первым.

– Смотрите под ноги, леди Вайолет, – предупредил он, и я увидела, что тротуара нет, а из сточной канавы потоком текут экскременты.

Я сморщила нос, подозревая, что они принадлежат не только животным, и приняла предложенную им руку, в которой моя ладонь сразу же утонула. Спустившись на подножку, я подобрала юбку и приподняла подол на несколько дюймов, чтобы перескочить через поток, но поскользнулась на склизких булыжниках, и от падения меня спасло лишь то, что слуга ухватил меня за рукав.

– Прошу прощения. – Геррунд отпустил меня.

– Я была бы более фраппирована, если бы вы позволили мне упасть, – заверила я.

– Кабы он это сделал, вы б сверзились, – объяснил Бирюк.

– Единственный путь – по этой доске, – сообщил мне Геррунд.

Вероятно, грубо отпиленный кусок дерева, на который он указывал, впервые удостоился столь высокого звания. Доска походила на неуклюже расколотый пополам телеграфный столб.

– Чудесно, – вздохнула я.

– Чуде-есно? – вмешался Бирюк. – Выходит, не так много дерева вы видели, коли считаете, что эта жердина чудесная.

– Когда-нибудь я объясню вам, что такое сарказм, – пообещала я, и он склонил голову к плечу.

– Сарсазм? Это чего такое? Его едят?

– В некотором роде, – согласилась я для простоты.

– Видать, французская штука. – Бирюк снова сплюнул. Это он умел. Я видела, как он не менее чем с пятнадцати футов попал плевком в глаз зеленщику, который загородил нам дорогу своей тележкой.

О стену рядом с нами разбилась бутылка, и Старушка Куини вздрогнула.

«Так и знал, что следовало взять с собой отряд крепких констеблей», – проворчал Хефти, но я не была уверена, что в моей голове для них найдется место.

– Вы не можете здесь ждать, – сказала я кучеру.

– Могу, – возразил он. – Только кончится дело худо.

– Если вы подождете у ворот парка, я пришлю за вами.

– Как? – спросил он, но на этот вопрос у меня ответа не было.

– Это уж забота миледи, – сказал ему Геррунд с необоснованной уверенностью, и я была согласна насчет того, что этот вопрос меня весьма заботит.

– Вы сможете найти дорогу? – забеспокоилась я.

– Нет, – весело ответил Бирюк, – но Старушка Куини сможет. Она что голубь, завсегда домой вернется. Только крыльев нету. – Он оглянулся через плечо. – Или перьев.

Бирюк трижды щелкнул языком, и лошадь начала пятиться.

– Счастливого пути, – пожелала я ему.

– Какое уж тут счастье, – возразил он, удаляясь.

Я подумала, что должны быть и другие кебмены, которые готовы выехать в любое время суток без предварительной договоренности. Но вряд ли их много, и еще меньше тех, кто, подобно Бирюку, отважится сунуться в Нижний Монтфорд, тем более ночью.

– И яиц не несет, – донесся до нас его голос, прежде чем он скрылся за углом.

Геррунд настороженно смотрел туда, куда нам предстояло направиться.

– Я еще могу позвать его обратно.

– Вы боитесь? – спросила я.

– Нет, конечно! – хвастливо заявил он, и очень жаль, потому что я была в ужасе.

«Остерегайся человека без ушей», – предупредила Руби. Совет был хороший, потому что безухий оказался хладнокровным садистом, но он присутствовал в одном из ее приключений, а не в одном из моих – по крайней мере, я на это надеялась.

5
Мартышка и матрас

Я глубоко вдохнула и пожалела об этом. Потом сказала себе, что меня подташнивает не от страха, а от смрада.

– Пойду впереди, – решительно заявила я, задвигая подобные мыслишки подальше.

Геррунд был на пятнадцать дюймов выше меня и намного тяжелее – шесть футов один дюйм, крепкое телосложение. Если наш импровизированный мост сломается под ним, то он, может, и переберется через канаву, но я-то нет.

Он протянул мне лампу, и я огляделась. Канава напоминала скорее кратер, чем дело человеческих рук.

– За каким дьяволом им понадобилась такая огромная яма? – спросила я.

– Наверно, завалялась лишняя, – пошутил Геррунд, когда я сделала первый шаг на пробу. И проворчал: – Осторожнее, миледи. – Хотя я вовсе не собиралась проявлять неосторожность.

Так называемая доска показалась мне довольно прочной, несмотря на то что неприятно прогибалась в середине. Ширина канавы составляла около восьми футов, и я была уже на полпути, когда доска подалась у меня под ногами.

– О боже! – кротко воскликнула я.

– Да чтоб ей! – менее кротко воскликнул Геррунд.

«Черт побери!» – воскликнула Руби, даже не пытаясь быть кроткой.

Пытаясь удержать равновесие, я вытянула руки в стороны – в левой зонтик, в правой фонарь. В детстве я видела, как это делал канатоходец, и, наверное, не его вина была в том, что башня опрокинулась, а он упал и убился.

«Не думай об этом», – строго сказала я себе, но я редко прислушиваюсь к своим советам.

Я снова выдвинула ногу вперед. Уличная обувь скользила бы меньше, но я рассчитывала, что попаду из экипажа прямиком в помещение, и не планировала по пути выполнять акробатические трюки. Доска затряслась сильнее, и я замахала руками, чтобы не упасть.

«Знаешь, как это выглядит?» – поинтересовалась Руби.

«Нет», – настороженно ответила я.

«Опасно».

«Замолчи», – огрызнулась я, и в кои-то веки она сделала, как ей было велено.

– Как по-вашему, насколько здесь глубоко? – Я была не настолько уверена в своей устойчивости, чтобы опустить фонарь и присмотреться.

– Футов шесть, не более, – прикинул мой собеседник.

«Идеальная глубина для могилы», – заметила Руби, которая редко молчала подолгу.

– Я встану на этот конец, чтобы он не шатался, – предло-

жил Геррунд.

– Встаньте, пожалуйста, – попросила я, удивляясь, почему он не сделал этого раньше. Но когда я снова пошевелилась, доска все так же пошатывалась. – Надеюсь, внизу лежит огромный матрас.

– Само собой, – заверил Геррунд. – А еще льняные простыни и взбитые подушки.

Я сделала еще один неуверенный шаг, и доска пугающе закачалась.

– Я думала, что вы ее придерживаете.

– Я и придерживаю. Иначе на этот раз вы бы точно полетели.

Да пошло оно все. Я глубоко вздохнула и, трясясь, в три шага добежала до другого края.

– Отлично, миледи! – заявил мой слуга.

Я подцепила фонарь зонтиком и протянула ему. Геррунд заколебался. Но ведь подобное препятствие не остановит человека, который вскарабкался по наружной стене часовой башни в Ньюмаркете?

– Я тут подумал… – сказал он. – Если ее немного подвинуть… – Он присел и перетащил конец доски вправо примерно на фут. – Здесь земля кажется поровнее. – Он поставил на доску одну ногу, затем другую. – Так-то лучше, – удовлетворенно констатировал он и, закинув трость на плечо, зашагал по доске непринужденно, как на прогулке в поле.

– Слава Богу, что это не пришло вам в голову прежде, чем

я пошла по доске, – прохладно молвила я.

– Я не видел, в чем дело, пока вы по ней не пошли, – заметил он в свою защиту.

У меня в туфлях хлюпало, и, опустив фонарь, я обнаружила, что вся улица была залита сточными водами, которые рекой текли в канаву.

– О, ради всего святого!

К этому времени подолы уже поднялись на уровень лодыжек, но мой подол все равно промок.

– Я ведь советовал вам надеть что-нибудь старое, – напомнил слуга.

– У меня нет ничего старого, кроме вас.

Геррунд надулся: в свои сорок два года он вовсе не был развалиной.

– Я еще не заржавел, – пробормотал он.

Мы пошлепали вперед. Мои туфли, сделанные на заказ Уилбером и Лоу, хлюпали при каждом шаге, пока мы не добрались до вывески с облупившимся рисунком. Рисунок напоминал мальчишку-трубочиста, которому сильно не повезло в жизни, но надпись утверждала, что это зеленая мартышка. Изнутри доносился смутный шум, и я понадеялась, что там веселятся.

– Почему все окна заколочены?

– Стекло здесь долго не живет, – пояснил Геррунд.

– Наверно, стекольщики хорошо зарабатывают.

– Ничего хорошего в этом нет, – пробурчал он.

Как только он толкнул дверь, на нас обрушились свет и шум, но сильнее всего было зловоние. По сравнению с ним нечистый уличный воздух благоухал, как розовая вода.

Я подумала, что могла бы остаться дома. Но тут же напомнила себе, что в газетах полно леденящих душу историй о людях, которые думали, что за закрытыми дверями они в безопасности.

Руби вертела в руках свой посеребренный револьвер. Мой лежал без дела в столе.

«Погнали!» – игриво воскликнула она, и мы вошли внутрь.

6
Осел и принадлежность ног

Зал «Зеленой мартышки» был набит битком, в основном мужчинами, которые явно тратили больше денег и времени на алкоголь, чем на туалет и гардероб. Их было сотни две, хотя в помещении едва ли могла разместиться с удобством и половина от этого числа, а табачный дым висел так плотно, что самые опытные пожарные обратились бы в бегство. В нескольких ярдах по обе стороны от меня колотили по клавишам расстроенных инструментов лица, которых следовало считать пианистами, но я почти не слышала издаваемых ими звуков за криками и хриплым смехом.

Зал освещали парафиновые лампы, свисавшие в проволочных клетках с потолка, который давно побурел от дыма.

– Сюда, миледи.

Геррунд стал протискиваться вперед, и я последовала за ним, жалея, что не надела шляпку поменьше. Поля уже начали приобретать новую форму.

– Эй! – рявкнул рассерженный мужчина в обвисшем шотландском берете, и его дыхание оказалось ничуть не свежее, чем у больной собаки. – Думаешь, нога ничья и можно по ней топтаться?

Я посмотрела вниз, на разваливающийся сапог, скреплен-

ный обтрепанной бечевкой.

– В отсутствие каких-либо доказательств обратного я предполагаю, что нога ваша.

Я двинулась дальше, довольная собой после такого ответа, но в меня врезалась желтушная женщина, сжимавшая в зубах глиняную трубку, и большая часть пива из ее кружки выплеснулась мне на волосы и на платье. Это была скромная вещица, которую Пьер Оберж с Бонд-стрит – нориджской, не лондонской – сшил для меня на скорую руку, но она нравилась мне больше, когда буфы на правом плече не обвисали и с них не капало.

– Выдра вшивая!

Я не могла припомнить, чтобы меня так называли раньше, и мысленно записала это выражение, хотя оно точно не прошло бы цензуру моего агента Теда Уилтона. Он отказался отправить издателю рукопись, в которой злодей произносил слово, замененное двенадцатью звездочками, хоть я и попросила его указать, какое ругательство, по его мнению, там спрятано.

Женщина взмахнула кружкой, облив меня остатками содержимого.

– Я что, должна видеть, что ты там ошиваешься?

По правде говоря, она была выше меня всего на три дюйма, хотя ее заскорузлые ноги были босы.

– Возможно, вы бы увидели, если бы смотрели, куда идете, – предположила я.

Женщина принялась яростно жевать трубку. Трубка давно уже проделала в ее немногочисленных верхних зубах полукруглое отверстие и оставила на нижней губе белый струп, но прежде, чем с этих уст слетел ответ, достойный пера Уайльда, она попятилась и наткнулась на другую женщину, которая была в полном трауре – или была чрезвычайно грязна.

– Выдра вшивая! – выругалась моя новая знакомая, и я, разочарованная тем, что этот эпитет относился не только ко мне, оставила обеих обсуждать, почему люди не смотрят, куда идут.

Геррунд обернулся, чтобы проверить, как я продвигаюсь, но его слова заглушил голос, которым можно было бы предупреждать суда о приближении мелей и рифов, – он заорал у меня над левым ухом песенку про старика Дэнни.

Я узнала, что у Дэнни был хромой осел – зачем старик его завел?

– Не слушайте, миледи, – посоветовал Геррунд, как будто у меня был выбор. – Это непристойная версия.

Должна сказать, это меня удивило, поскольку я не знала о существовании более респектабельной.

После долгой дороги через толпу и короткого спора с каким-то ирландцем о том, не являюсь ли я неразумной самкой собаки, мы добрались до зеленой двери, которую охранял грузный мужчина в длинном черном кожаном пальто. Голос-гудок известил меня о том, что кривыми у осла были

не только конечности, но, поскольку мне вряд ли предстояло когда-либо повстречать это несчастное существо, сведения не представляли для меня особого интереса.

Привратник был так огромен, что рядом с ним даже Геррунд казался почти хрупким. Его голова была размером с футбольный мяч, но формой и цветом напоминала небрежно очищенную свеклу.

– С детьми нельзя, – буркнул он.

– Весьма надеюсь, что их там нет, – кивнула я, и он наклонился, чтобы рассмотреть меня поближе.

Я уже видела это лицо раньше.

– Ты кто? Гном, что ли?

– Я миниатюрная, – надменно изрекла я.

– Я не спрашивал, как тебя зовут, – фыркнул он.

– Нет, – крикнула я в ответ, чтобы он услышал, – но я знаю, как зовут тебя. Ты Смит Кувалда.

– Что есть, то есть, – согласился он, подняв правую руку, благодаря которой заработал свое прозвище.

Она была скрючена из-за многочисленных переломов, которые он получил за свою карьеру, ломая чужие кости.

– Я ставила на тебя гинею, когда ты отправил в нокдаун Пэта Симпсона, – сказала я, и он нахмурился.

– Одну? – прогремел он. – Я стою больше.

– Мне сказали, что у тебя были сломаны три ребра.

– Эт я распустил слух, чтоб повысить ставки, – усмехнулся он, и я удивилась тому, сколько у него еще оставалось зубов,

хотя они были разбросаны по рту в довольно своеобразном порядке. Смит повернулся к моему слуге. – Ты ж не собираешься взять туда даму, Герри?

Я не знала, что Геррунд состоял в столь близких отношениях с боксерами, но, вероятно, в его личной жизни и прошлом хватало вещей, о которых мне лучше было не знать.

– О ней не беспокойся, – заверил его мой слуга. – Она покрепче, чем кажется. – Он поймал мой взгляд и запротестовал: – Это комплимент.

Я задумалась, что он скажет, если захочет меня оскорбить.

И сунула Кувалде монету.

– Выпей за мой счет. Только в следующий раз подмигни мне.

Но мы оба знали, что следующего раза не будет. Он становился старым и медлительным, а травма глаза сделала его уязвимым для хука слева.

– Если что пойдет не так, свистните, – сказал он, и Геррунд ощетинился.

– Сначала миледи свистнет меня, – прорычал он.

Старый боец медленно кивнул, открыл дверь и отступил в сторону.

Я снова подумала, что могла бы остаться дома, ведь в газетах, как я хорошо знала, полно леденящих душу историй о людях, рискнувших выйти из-за надежно запертых дверей.

«Поживи еще», – посоветовала Руби, и я не была уверена ни в том, что она хотела добавить «погоди умирать», ни в

том, что ее совет имел смысл.

7
Кровь в подвале

Геррунд первым стал спускаться по длинной крутой деревянной лестнице. Ступени поскрипывали и тревожно прогибались, но это были мелочи по сравнению с тем, что мы преодолели по пути сюда, а судя по гулу голосов, доносившемуся снизу, куча людей уже спустилась по ним и осталась жива.

– Вы уверены? – спросил для верности Геррунд, и я кивнула, хотя совсем не так собиралась провести день, который должен был стать первой годовщиной нашей с Джеком свадьбы.

«Вы уверены, что уверены?» – переспросил Хефти, как всегда осторожный, и я снова кивнула, хотя и без большой уверенности, поскольку и в лучшие времена не любила находиться под землей, а этот случай не обещал войти в их число.

Мы достигли дна и свернули направо, в подвал с бетонным полом, грязно-белыми стенами и низким, грубо оштукатуренным потолком, который освещало несколько десятков ламп. Здесь собрались клиенты классом повыше. Может, они и не дотягивали до стандартов Королевской ложи в Аскоте, но в толпе можно было увидеть немало начищенных цилиндров. В конце концов, это была ночь чемпионов, и в подвал допускались только те, кто был способен сделать

крупную ставку.

Сквозь оживленный разговор прорывались тявканье, рычание и вой стаи собак, которых не было видно.

– Похоже, мы как раз вовремя. Сейчас начнется главный бой, – заметил Геррунд, когда через комнату прошел мужчина в полосатых красно-белых брюках, заправленных в гессенские сапоги с кисточками, и длинной полосатой бело-красной куртке. За ним двое парней пронесли большой сундук, накрытый тканью, размером примерно с ящик для чая. Судя по тому, как они напрягались, сундук был тяжелым.

– Это Билл Брэдли, хозяин дома, – сказал Геррунд и перешел к действиям. – Освободите место для дамы! – закричал он, протискиваясь вперед.

– Какая дама решится сюда прийти? – чопорно поинтересовался джентльмен с моржовыми усами.

– Такая, какой настоящий джентльмен уступил бы дорогу, – ответила я, и он неохотно подвинулся.

Мужчина помоложе с красиво нафабренными усами поспешно отвел взгляд.

– Добрый вечер, Крамп, – поздоровалась я, и достопочтенный Персиваль Крампинтон-Чоув убрал руку с талии девушки, на редкость несхожей с леди Крампинтон-Чоув. Он принужденно улыбнулся и очень убедительно пояснил: – Она поскользнулась, а я не дал ей упасть.

– Я такая неуклюжая! – хихикнула она, игриво дернув его

за бакенбарду, и он скривился не столько от боли, сколько от смущения.

– Крамп, вы сама доброта, – ответствовала я. – Не сомневаюсь, что, если мне когда-нибудь понадобится услуга, вы вспомните этот вечер и проявите доброту и ко мне тоже.

Этот человек был слюнтяем, но располагал двумя полезными благами – состоянием и влиятельной родней.

– О, безусловно, – поспешно заверил он, и я пошла дальше.

Ринг, как обычно, был квадратным. Его окружал прочный деревянный заборчик высотой около четырех футов, уже забрызганный свежей кровью, хотя и было видно, что ее попытались размазать по полу шваброй.

– Господа, леди и джентльмены, – объявил мистер Брэдли, – настал миг, которого мы все ждали. Сегодня перед нами выступит непобедимый чемпион мира позапрошлого и прошлого годов. Позвольте представить вам единственного и неповторимого… – Он вскинул руки. – Маленького Тича!

Маленький Тич, звезда комедийных представлений в мюзик-холлах, мог бы оспорить это утверждение, но его бы порадовали восторженные возгласы, которыми было встречено объявление. С другой стороны ринга открылась дверь, и через нее строем вошли шесть человек, каждый из которых выглядел так, будто мог продержаться несколько раундов против Кувалды.

Геррунд наклонился к моей щеке, и на какой-то странный

миг мне показалось, что он собирается меня поцеловать.

– Тот, кого называют Хозяином, – прошептал он мне на ухо, и я увидела, как люди расступились, открывая взору печально известного мистера Антона Герви.

Человек, наводивший ужас на большую часть Восточной Англии в течение двух десятилетий, не обладал впечатляющей внешностью. Ненамного выше меня и еще менее крепкого сложения, худое безволосое лицо землистого цвета, с выступающим носом и маленьким подбородком.

Герви был одет во все черное, от нелепой пасторской шляпы до лакированных туфель. Только за аккуратным галстуком виднелся кусочек белой рубашки.

– Он в трауре? – спросила я, но Геррунд ответил, что он всегда так одевается. Инспектор Хефти смело шагнул вперед.

«Антон Алоизиус Герви, – объявил он, – вы арестованы по обвинению в вымогательстве, шантаже и… – Хефти сделал драматическую паузу перед последним словом. – Убийстве». Но бравый детектив по сей день не умел заставлять людей слышать его голос изнутри моего черепа.

Герви щелкнул пальцами. У него были руки ребенка, и трудно было представить в них его печально знаменитую бритву, хотя выжившие могли подтвердить, что он прекрасно ею владеет. Больше всего Хозяин гордился тем, что придумал «улыбку Суффолка» – гротескную ухмылку, которая появлялась, когда жертве отрезали верхнюю губу.

Вперед вышел плотный мужчина средних лет в сюртуке с бархатным воротником, державший на руках черного с подпалинами терьера, которого смело можно было бы назвать Крошечным Тичем. Я никогда не видела более миниатюрного и поджарого представителя этой породы.

– Приятного будет мало, – предупредил мой слуга.

– О. – Я изобразила разочарование. – А я-то была уверена, что будет приятно.

Маленького Тича спустили на ринг, и он зарысил по бетону, возбужденно обнюхивая ограждение.

– Давайте покажем ему, что его ждет, – предложил Брэдли и сдернул ткань. Стало видно, что парни рядом с ним держат клетку.

В ней на площади около трех футов теснилась масса живых извивающихся грызунов. Я изо всех сил постаралась не передернуться, когда хозяин дома приподнял дверцу в верхней части клетки и сунул руку внутрь.

– Удивительно, что его не кусают, – сказала я, когда он достал вырывающуюся толстую крысу.

– Еще как кусают, – заверил меня Геррунд, и я увидела, что у Брэдли нет кончика большого пальца, а перепонка между большим и указательным вся в отметинах.

– На вид она размером почти с Тича.

– Не покупайтесь на внешность, – возразил Геррунд. – Тич проворен, как хорошо смазанная молния, а челюсти у него – как стальной капкан.

– А я-то думала, что в свободное время вы читаете развивающие книги.

– Я читаю, – заверил он меня. – Развивающие книги об охоте и спорте.

Маленький Тич нетерпеливо следил за добычей, которую хозяин дома держал в кулаке высоко над его головой. Крыса отчаянно билась, хлеща хвостом и сверкая длинными желтыми зубами. Брэдли отпустил ее, и она упала. Пес подпрыгнул и схватил ее зубами раньше, чем она коснулась пола. Потом коротко тряхнул головой – и крыса со сломанной шеей упала на бетон.

Толпа восторженно завопила. Чтобы заработать такую овацию, Кувалде потребовалось бы провести тридцать четыре раунда против Янки Джо. Владелец Маленького Тича наклонился, взял терьера за ошейник и поднял над головой.

Герви бесстрастно наблюдал за происходящим, скрестив руки на груди и спрятав кисть правой под бортом костюма.

– А теперь, – прокричал Брэдли, перекрывая шум, – настал миг, которого вы все так ждали.

По его сигналу двое парней подняли клетку над заборчиком. Хозяин отщелкнул задвижку, и дно клетки открылось. На бетон вывалилась корчащаяся куча крыс.

– Пятьдесят голов, – объявил он, и я поежилась, когда они забегали по рингу в поисках выхода. – Кто хочет еще?

Оказалось, что хотели почти все – хотя я не высказывалась, – и парни принесли вторую клетку.

– Сотня голов! – прокричал хозяин, когда новых крыс высыпали на ринг. – Кто-нибудь хочет залезть туда и пересчитать их?

Добровольцев ожидаемо не нашлось.

Я встала на цыпочки, дотянулась до особенно крупного экземпляра и потыкала его кончиком зонтика.

– Смотрите, как бы он не взбежал по зонтику, – предупредил Геррунд.

– Почему они такие гладкие? – спросила я, так как привыкла видеть ободранных зверьков, снующих по заброшенным зданиям и сточным канавам.

– Их берут у заводчика в Эссексе.

– Их выращивают специально?

– Миллионами. – Вероятно, Геррунд преувеличил. – Крысы из канализации переносят слишком много болезней. Бывало, что собаки умирали от одного укуса. Поэтому их владельцы перестали выставлять хороших животных.

Его слова меня поразили. Я всячески поддерживала истребление паразитов, хотя и не понимала, как некоторые люди могут находить это занятие забавным, но выращивать живых существ только ради того, чтобы их убить, было попросту жестоко. Неудивительно, что этот так называемый спорт призывали запретить.

Брэдли щелкнул пальцами, и ему принесли грифельную доску. Она была разделена на две колонки.

– Слева пишут, скольких он убьет за пять минут, а справа

– коэффициенты, – сказал Геррунд. – Впрочем, вы, миледи, не нуждаетесь в объяснении насчет последних.

Я посмотрела на цифры.

– Он предлагает восемьдесят к одному на то, что Маленький Тич убьет их всех за это время, – заметила я, и Геррунд сдвинул свой котелок на затылок.

– Да хоть тысячу к одному. – Он пренебрежительно махнул рукой. – Это невозможно.

– Две кроны на то, что он сцапает шестьдесят, – сказал худой человек в круглой меховой шапке, протягивая пять шиллингов.

– Соверен на то же самое, – отозвался усатый джентльмен.

– Поддержу, – вставил Геррунд.

– Откуда у вас десять шиллингов? – спросила я, когда он сделал ставку. – Должно быть, я вам переплачиваю.

– Не тревожьтесь, – ответил он беззлобно, поскольку мы оба знали, что я наняла его тогда, когда никто другой этого не сделал бы, и платила ему больше, чем было принято. – Выиграл в брэг.

– Почему Герви не ставит на свою собаку?

– Он бы поставил, но Брэдли столько не выплатит. Кроме того, Герви получит долю выручки.

– Насколько быстро Тич способен убить всех крыс?

– Рекорд для сотни крыс составляет пять минут двадцать восемь секунд. Он установлен псом по кличке Джеко, – ответила моя ходячая энциклопедия азартных игр. – Но этот

рекорд держится уже тридцать лет, и поговаривают, что в тот раз часы нарочно замедлили.

Я вспомнила, что как-то раз назвала своего жениха Джеко, хотя он оказался скорее крысой, чем собакой.

Я еще раз взглянула на Маленького Тича. Он, напрягшись, сидел на руках у владельца, стремясь снова ринуться в бой.

– Тогда самое время побить этот рекорд. – Я протиснулась вперед. – Пять фунтов на то, что он убьет их всех.

– Не надо, миледи, – попросил Геррунд.

Брэдли фыркнул.

– Побереги свои деньги, девочка.

– Я не девочка, – возразила я, расстегивая сумочку, – и я имею право сделать ставку.

Хозяин отвернулся.

– Эй! – Геррунд ухватил его за рукав. – Не стой спиной к миледи.

– Да возьми ты бабки у безмозглой кобылки! – потребовал кто-то по другую сторону ринга, и несколько человек поддержали его.

Букмекерам не полагалось отказывать в ставке, кто бы ее ни делал. Я проследила за взглядом Брэдли и увидела, как Герви слегка наклонил голову. Брэдли сердито потянулся к банкнотам, которые я держала.

– Мое-то золотишко он с руками оторвать готов, – пожаловался какой-то молодой франт.

– Готов поспорить, она что-то знает, – заявил его спут-

ник. – Эй, хозяин! Рискну поставить фунт на этот исход.

– Я тоже, – добавил другой голос.

– Запускай его, Сесил! – выкрикнул Брэдли, подняв хронометр.

Герви кивнул, и владелец забросил пса на ринг.

– Ставки больше не принимаются, – объявил Брэдли ко всеобщему неудовольствию.

Но спорить было некогда. Все взгляды были прикованы к Маленькому Тичу.

Коснувшись лапами бетона, терьер вмиг принялся за работу. Он отшвырнул ближайшую крысу и сразу же впился зубами в следующую. Крысы стали разбегаться, но Маленького Тича уже было не остановить. Он ломал им шеи с ловкостью, которой позавидовал бы любой палач. Дважды он убил сразу по две. Я не думала, что такая маленькая собака на это способна. Не прекращая убивать, Маленький Тич вроде бы отгонял свою добычу к краю ринга. Одни крысы пытались лезть на ограждение, но сверху над ними нависали карнизы, а многочисленные добровольцы сбивали тростями тех, кому удавалось вскарабкаться. Другие судорожно скребли пол, тщетно пытаясь выбраться в безопасное место. Очередная крыса, которую терьер схватил за зад, умудрилась вывернуться и укусить его за ухо, но я не была уверена, что он заметил укус. Охваченный жаждой убийства, он решительно набросился на последнюю кучку крыс, забившихся в угол.

– Останови часы! – крикнул кто-то.

Брэдли притворился, что не слышит, но Геррунд подошел к нему, выхватил хронометр и одновременно нажал на кнопку.

– Ну и дела! – изумился он, глядя на циферблат. – Четыре минуты пятьдесят две секунды. Новый мировой рекорд!

Толпа взорвалась воплями. Все зрители проиграли, зато стали свидетелями исторического момента.

– Они не все мертвы, – запротестовал Брэдли.

– Покажи хоть одну живую, я ее обниму! – отозвалась спутница Крампа, чем немало всех повеселила.

Должно быть, у бедной девушки закружилась голова, потому что Крамп снова крепко прижимал ее к себе.

– Отдайте миледи ее выигрыш, – потребовал Геррунд, и глаза хозяина забегали.

– Я столько не набрал, – вякнул он.

– Отдавайте, – сказала я. И добавила, понизив голос: – Пока я не рассказала всем о вашей хитрости.

– Не знаю, о чем вы, – ответил Брэдли, но полез в сумку.

– Что-то тут нечисто, – предположил розовощекий юнец, и толпа заволновалась.

Брэдли протянул мне пачку банкнот.

– Неужели вы думаете, что я не знаю, как выглядят четыреста фунтов? – возмущенно спросила я. – Или мне сделать объявление?

– Ошибочка вышла, – торопливо пробормотал он, отсчитал оставшиеся банкноты и добавил пригоршню монет.

Я подозревала, что набранная сумма все равно меньше моего выигрыша, но больше у него не было. Я сунула часть денег в сумочку и застегнула ее, а остальные передала Геррунду, который положил их в свою сумку. Оставалось надеяться, что огонь в его фонаре погашен.

Я заметила, что Герви уже уходит через черный ход.

– Пора идти, – сказала я слуге, и мы отправились в путь. Почти сотня людей видела, как я забрала свой выигрыш, и немало было тех, кто вознамерится его отнять.

Сзади меня схватила за плечо чья-то рука, и я сделала то, что сделала бы любая хорошо воспитанная девушка. Повернула голову и укусила эту руку.

«В следующий раз прихвати стилет», – посоветовала Руби, но, хоть мне и понравилось место, я не собиралась повторять визит. Я приподняла юбку и галопом помчалась по лестнице впереди Геррунда.

8
Beeman's и зеленая фея

Геррунд забарабанил по двери, и Кувалда открыл. Позади нас уже раздавались шаги.

– Сумеете минуту продержать дверь закрытой? – спросила я и протянула Кувалде скомканную бумажку.

– Смогу и две, – пообещал он, захлопнул дверь, задвинул засов и для верности привалился к двери спиной. С другой стороны уже кто-то стучался. Кувалда скорбно покачал головой. – Жаль, что я ничего не слышу в этом шуме.

Я вытерла рот, подавив желание сплюнуть. Надкушенная рука не была ни свежей, ни вкусной.

В верхнем зале было еще больше народу, чем раньше, и к тому времени, когда мы выбрались на улицу, у меня был порван рукав и оторван край подола. Я потрогала свою шляпку. На ощупь она была похожа на помятый чепец.

По крайней мере снова выглянула луна, и нам не пришлось ждать, пока Геррунд зажжет фонарь.

Мимо прошел джентльмен в шляпе, закутанный в кашне до самых глаз, несмотря на жару.

– Кто-то не хочет, чтобы его узнали, – заметила я.

– И я думаю, мы оба догадываемся почему, – ответил Геррунд и резко выдохнул.

– Иди сюда, девочка, – позвал незнакомец, обращаясь к кому-то, кого мы не видели, и я содрогнулась, подумав, что, возможно, он действительно подзывает девочку, а не молодую женщину.

– До парка идти долго. А отсюда Бирюк нас не услышит. – Геррунд беспокойно оглянулся через плечо. – Жаль, что я не взял револьвер. Эта палка с клинком не слишком полезна против толпы.

– На Сальвейшн-роуд у ворот парка стоит кеб, – крикнула я, и он удивился. – Шесть пенсов тому, кто приведет его к концу этой улицы.

Из темных дверных проемов на улице повыскакивал десяток фигур. Дети гурьбой побежали по улице, а за ними на костылях поковылял старик.

– Идите спать. – Я сунула в его скрюченные пальцы флорин, которого ему хватит на неделю, если он его не пропьет.

Геррунд снова зажег фонарь, и мы поспешно зашлепали по вонючей жиже. Вскоре дорогу нам преградил целый ручей. Бросив попытки соблюдать приличия, я задрала платье и пошла вброд.

– Фе-е-е, – выдохнула я, когда жидкая дрянь залилась в ботинок.

«Какое глупое слово», – сказала Руби, раздраженная тем, что я думала наделить им ее. «Уж лучше изжариться», – заявила она, что было более чем возможно.

Геррунд оглянулся и предупредил:

– Они близко.

Я разглядела с десяток людей, которые бежали следом за нами.

– Они пошли туда! – крикнул кто-то.

Это оказался все тот же старик, который сумел угнаться за бегущими. Он указывал на улочку, уходившую вбок.

– Спасибо, – выдохнула я, когда наши преследователи направились в улочку.

– Неправда! – крикнула какая-то женщина, чтоб ей. – Они пошли туда.

Отозвав чувство облегчения, я пустилась шумным хлюпающим галопом.

Не скажу, что я с нетерпением ждала переправы через знакомую канаву, но после того, как Геррунд подвинул доску, эта задача стала гораздо проще. Когда мы оба перебрались на другую сторону, я оглянулась.

– Они нас догоняют.

– Не догонят.

Геррунд присел на корточки в грязной жиже, ухватился за доску, приподнял ее и низверг в кратер. Раздался всплеск, взметнулись брызги.

– Но как дети доберутся домой?

Геррунд осторожно полез в карман за носовым платком.

– Домой? – Он вытер руки. – У них нет домов. – Он бросил платок в канаву. – Но не тревожьтесь, миледи. Они как уличные кошки. Захотят – переберутся по крышам. Некото-

рые из них там и спят.

Когда мы вышли на перекресток, вокруг нашего кеба крутился десяток оборванцев, и каждый норовил приписать заслугу себе.

– Первый, кто тронет мою лошадь, получит в глаз кнутом, – пригрозил Бирюк. Дети оставили его и окружили нас.

– Будьте осторожны, миледи, – предупредил Геррунд. – Зазеваетесь на миг – и они выдернут у вас шнурки из ботинок и золото из зубов.

Золотых пломб мне не ставили, но делиться впечатлениями от современной стоматологии было некстати.

– Отойдите подальше, – предупредила я, прижав к себе сумку. – Иначе никто не получит ни единого фартинга. – Я осторожно отступила назад и порылась в выигранных деньгах при свете Геррундова фонаря. – Встаньте в шеренгу, и я дам что-нибудь каждому.

– Как это – вшиенку? – спросила крошечная девочка.

– Как в очереди за супом, только без супа, – объяснил мой слуга, и дети, толкаясь, выстроились в подобие очереди.

Я протянула самому большому – и, следовательно, первому в очереди – ребенку полкроны, и тот недоверчиво посмотрел на монету. Наверное, он никогда не видел столько денег сразу.

За ним подошел второй, потом третий. Когда руку протянул последний, кривоногий, Геррунд шлепнул его – или ее – по обритой голове.

– Я и так пропустил тебя дважды. Не жадничай.

Когда я расплатилась, мы сели в кеб.

– Кучер, к дому, – распорядился Геррунд, закрывая дверцы.

– Вы не дома, – поправил Бирюк. – Были б вы дома, я б вам не нужен был.

Уже не в первый раз я задалась вопросом, знала ли его мать, до какой степени ее ребенок оправдает свое имя.

– Так что там насчет хитростей Брэдли, миледи? – спросил Геррунд, когда мы выехали на большую дорогу, и я глубоко вдохнула воздух, который был бы свежим, если бы не вонял нами.

– Он думал, никто не поставит на то, что пес убьет за это время всех крыс. Но я больше верила в Маленького Тича, чем в Брэдли. К тому же крыс накачали наркотиком.

– Наркотиком? – недоверчиво повторил Геррунд. – Я слыхал, что это делают с лошадьми, борзыми, даже с призовыми бойцами, но крысы!

– Они были слишком неповоротливы. – Тут кеб подскочил на невидимом препятствии, и я приготовилась к тому, что мы перевернемся. – Та, которую я ткнула зонтиком, едва отреагировала.

– Ну и дела, – сказал Геррунд во второй раз за вечер.

– Ну и дела, – согласилась я, отыскав коробочку, которую держала в боковом кармашке.

Я до смерти соскучилась по жвачке Beeman's. Кузина от-

ца, Гертруда, прислала отцу целый ящик из своего дома в Бостоне – не в том, который правильный, а в том, который в Америке. В жвачке содержался пепсин, который, по ее мнению, мог облегчить его изжогу. Отец проникся к подарку отвращением, но я попробовала – и мне понравилось. В крепких натуральных и искусственных ароматизаторах, привозимых из демократической страны, было что-то ужасное – настолько ужасное, что даже прекрасное. Вскоре я безнадежно подсела на Beeman's и стала потреблять по две пачки в день. Иногда я совала в рот пластинку даже раньше, чем вставала с постели. Прежде чем отцовский подарок закончился, я договорилась о регулярных поставках из города, который притворялся Кливлендом, и у меня всегда имелся в запасе целый ящик на случай задержки или потери груза.

Геррунд неодобрительно фыркнул, когда я развернула пластинку жевательной резинки. Он предпочел бы, чтобы я приобрела более женственную привычку – например, пристрастилась к сигаретам или к тому, что предпочитал он сам. Он достал свою табакерку в форме гроба и взял пару понюшек некоего белого порошка, который взбодрил его сильнее, чем любой нюхательный табак. Я, напротив, чувствовала себя достаточно взбодренной в эту ночь.

– Зачем Герви окружает себя таким количеством людей? – спросила я.

– Ради демонстрации силы. И для защиты. Назревает война с бандой Чокнутого Вертела за власть над Хэмами.

Хэмами называли окрестные поселения. Самое большое из них, Грейт-Бардхэм, не уступало иному городу, а самое маленькое, Келхэм, было всего лишь деревушкой. Общее население Хэмов было довольно большим. По крайней мере, вполне достаточным для того, чтобы нечестно заработать на жизнь.

Я знала Кейна, прозванного Вертелом, в лицо. Это был огромный весельчак, который всегда улыбался и смеялся, приподнимал бесформенную шляпу перед дамами и раздавал монетки беспризорным детям. В дни, когда устраивали скотный рынок, можно было увидеть, как он отирается среди фермеров, обсуждает с ними скотину и ставит выпивку. Добрейшей души человек, подумал бы тот, кто не знал, как он любит поджаривать людей. Говорили, что, слушая крики жертв, он усмехался: «Странно это – Вертелом кличут меня, а вертятся над огнем они!»

– Моя любовь собой мила, а сердце золото-о-ое! – заунывно запел Бирюк, причем мелодия затерялась где-то в туманах его разума.

«Где ты была, пока происходило все это?» – спросила я у Руби.

«Занималась жарким», – напомнила она, причем, разумеется, имела в виду не то, что она готовила, а то, что ее готовили. Она должна была вернуться в свой гроб к полуночи, как Дракула, только наоборот.

– Но стал я стар – что за дела? Она уже с тобо-о-ою! –

провыл Бирюк. – Ей имя было…

«Замолчи», – довольно резко скомандовала Руби, и он тут же замолчал, так что, возможно, это сказала вовсе не Руби.

=♦=♦=♦=

Геррунд принес из погреба кувшин воды со льдом, залил до половины мой фонтан для абсента и пожелал мне спокойной ночи, хотя мне редко удавалось провести ночь спокойно. Фонтан был похож на миниатюрный фонарный столб из латуни. В верхней части из стеклянного сосуда торчали два краника. Мне всегда хватало одного. Ритуал успокаивал. Я положила кубик сахара на серебряную ложечку с отверстиями и стала смотреть, как вода медленно капает на сахар и стекает в бокал. Прозрачный зеленый напиток мутнел, но не терял своей силы – и не становился достаточно сладким, чтобы заглушить горечь.

– Ты клялся, что любишь меня, – произнесла я вслух.

«Без него тебе лучше», – заявила Руби, и я понимала, что она права, но не чувствовала этого.

«Подумать только, я отказала Тимоти Кертину!» – гневно продолжала я. Тим обладал кротким нравом, сорока тысячами фунтов годового дохода и замком в Бакингемшире, недалеко от милой деревушки Милтон-Кейнс.

Мужчины. С ними невозможно жить. «Можно жить без них», – уверенно сказала Руби.

Говорят, что горе нельзя утопить в вине. Может, это и правда. Но, по крайней мере, можно облегчить боль, что я и доказывала почти каждую ночь.

«Никогда не доверяй мужчинам», – посоветовала Руби, и я хотя бы отчасти нашла утешение в обществе Хетти, которая жила через три улицы от меня. Она была художником-портретистом, и, на мой взгляд, очень хорошим.

«Кроме меня», – вклинился Хэвлок Хефти, который присоединился к беседе с опозданием и благополучно забыл, как заподозрил меня в убийстве моей двоюродной бабушки, вдовствующей баронессы Гербены Стрейндж.

Не моя вина в том, что она утонула в чане с солеными огурцами, подумала я, делая первый глоток. Кое-кто счел ее кончину подозрительной, поскольку она завещала все мне, но ее состояние не просто таяло – оно уже растаяло. Компания «Припасы от Стрейнджа» погрязла в долгах, когда ее желированные бычьи кишки не встретили понимания у покупателей, а покойный бабушкин муж, барон, вложился в план разведения мэнских кошек с хвостами и прогорел.

Я покатала напиток во рту, гадая, стану ли кислой старой

девой, и ожидая, когда Руби скажет, что я уже ею стала, но она подняла выбившуюся прядь моих волос, аккуратно заложила ее мне за ухо и промолчала.

Единственной ценностью, которую я унаследовала от тети, был Брейк-Хаус, неловко примостившийся на углу площади Серафим-сквер в Монтфорде, в восемнадцати милях от нашей семейной резиденции в Тетбери. Неловко потому, что здание имело форму клина – спереди две комнаты, сзади, по другую сторону коридора, четыре.

Я сглотнула и почувствовала, как жидкость стекает в соскучившийся по ней желудок.

Джек клялся умереть за меня. Если бы мой отец, троюродный брат или служанка сумели его изловить, он бы тут же сдержал клятву. Геррунд не угрожал Джеку, но я видела, как он схватился за свой мясницкий нож, узнав, что свадьбе не бывать. Из тех трех я бы поставила на Агнуст. Мало что ускользало от ее внимания, хотя ей еще предстояло узнать, что моя зеленая фея, как некоторые называли этот напиток, – вовсе не укрепляющая мятная настойка с травами.

– Я любила его, – сказала я абсенту.

Абсент, конечно, не ответил, зато Руби было что сказать на этот счет.

«Что такое любовь? – философски вопросила она. – Сердечный трепет или прилив крови к мозгу? Когда-нибудь врачи найдут от нее лекарство».

Чтение стихов приучило меня надеяться, что любовь может быть чем-то большим, но я вынуждена была признать, что она может быть права.

«Поэты, – фыркнула Руби. – Что они знают? Они думают, что облакам одиноко».

В сонном Тетбери мне нечем было вдохновляться, поэтому я перебралась в город и обнаружила, что у него два основных отличия от Тетбери – проще купить кофе, а неотесанные мужланы держатся ближе друг к другу.

Джек Негод должен был умереть ужасной смертью в моей следующей книге под названием «Месть Розы Пистол». В остальном я вела монотонную жизнь, вполне довольная тем, что бурные события происходят только на бумаге. Однако у жизни были другие планы, а с жизнью спорить нельзя: она всегда может пригрозить, что покинет вас, и если она это сделает, назад вы ее не приманите.

9
Копченая селедка и холера

Агнуст с грохотом поставила передо мной тарелку.

– Слыхала, прошлой ночью вы попали в передрягу.

Кто ей донес? Не Геррунд же?

Он предан мне, и он не стал бы напрашиваться на выговор у Агнуст.

«На меня-то не смотри, – возразила Руби. – Минуту назад я лежала в гробу».

Завтрак состоял из пары ярмутских селедок, закопченных на дубовой щепе. Они входили в партию, присланную моей матерью, которая восемь лет назад попробовала на монтфордском вокзале неудовлетворительный сэндвич и была уверена, что в Суффолке, расположенном менее чем в дне езды от Тетбери, приличной еды нет.

– Чуть-чуть, – опасливо признала я, и Агнуст уперла огромные кулаки в еще более огромные бедра.

– Теперь послушайте меня, юная леди, – начала она, и я пообещала, что послушаю, хотя и не обещала прислушаться к ее словам. – Когда я согласилась перебраться сюда из сивлизизации… – Она подразумевала Тетбери-Холл, расположенный за границей – в Норфолке. – Я обещала вашей дорогой мамочке, что присмотрю за вами.

– Вы отлично с этим справляетесь, – заверила я и взяла один из тостов.

Агнуст выпятила грудь, которая не то чтобы нуждалась в дополнительном выпячивании. Она была женщиной крупной во всех измерениях.

– И как вы мне прикажете с этим справляться, коли вы деретесь с крысами?

– Я с ними не дралась. С ними дрался пес.

– И ошиваетесь среди всяких кринимальных алиментов? – продолжала Агнуст.

– Геррунд был рядом, он мог меня защитить, и я не ошивалась, – возразила я. – Я убежала.

– Убегать от кринимальных алиментов глубокой ночью? – Агнуст выпятила челюсть. – Разве так подобает себя вести молодой леди из старого рода?

– Я собирала материал для книги.

– Об этом мы тоже поговорим. – Агнуст переплела мощные руки под грудью. Я подумала, что она могла бы продержаться несколько раундов против Кувалды и не сильно при этом пострадала бы. – Молодые леди из старого рода не пишут бульварных романов.

– Они приносят деньги, – сообщила я, хотя продажи «Резни на Мангроув-стрит» еще не покрыли даже скудный аванс.

Я не стала спрашивать, из каких денег, по ее мнению, я плачу ей жалованье, поскольку жалованье ей платил мой отец. Среди условий, на которые мне пришлось согласить-

ся, чтобы родители разрешили мне съехать, было и условие взять с собой Агнуст. «Что в Монтфорде есть такого, чего нет у нас? – вопрошал мой отец. – Кроме смога и холеры?» И бесполезно было объяснять, что смога у нас не больше, чем в любом другом рыночном городке, или напоминать, что последняя вспышка холеры случилась за десять лет до моего рождения.

– Вам следует писать романы, – посоветовала моя служанка и самозваная литературная консультантка, – как мисс Примроуз Делайт.

– Ненавижу романы. Особенно про наследниц, которые падают в обморок и влюбляются в красавчиков-грубиянов.

Агнуст лишь покачала головой, услышав эту глупость. Она-то прочла «Розовый привал» по меньшей мере дважды, а рассказывала мне о нем раз двадцать.

– А видите, в каком состоянии ваше платье? Будто вы катались на лодке по выгребной яме.

Это было не так уж далеко от истины, но, в конце концов, платье было мое, и в ее обязанности не входило ни стирать, ни чинить его.

– Могу я теперь выпить свой кофе? – спросила я с робостью, которой не испытывала среди подонков общества, и Агнуст неохотно налила мне полчашки.

– Кофе вам не на пользу, – пробормотала она, хотя я полагала, что мой напиток будет последней из ее забот после того, как я провела ночь в компании криминальных алимен-

тов, дерясь с вредителями.

– Как вы узнали, где я была ночью? – спросила я.

«Она сама там была, только переодетая, – неубедительно предположил Хефти. – Но из меня она дурака не сделала».

«А что сделало?» – спросила Руби, подпиливая ноготь, и мне захотелось, чтобы она этого не делала. От ощущения пилочки у меня чесался таламус.

– Вы описали это в своем дневнике, – пояснила Агнуст, и я возмущенно выпрямилась.

– Мой дневник предназначен только для меня.

– Ну, – Агнуст снова переплела руки, и рукав платья задрался, обнажив часть ее шрамов, – если оставляете его в запертом ящике, будьте готовы, что его прочтут.

«Но как?» – спросила я. Замок не был взломан, и я не могла поверить, что у моей служанки хватит уменья подобрать отмычку.

«Она видела, как ты кладешь ключ в банку с имбирем», – объяснила Руби, и я подумала, что обычный наниматель после такого объяснения послал бы горничную собирать вещи. Но я, не будучи обычным нанимателем, лишь сказала «понятно» тоном, который, как я надеялась, заставит Агнуст задуматься. Но она задержалась по пути к двери лишь для того, чтобы взглянуть на свое отражение в зеркале над камином и ласково погладить волосатую родинку на верхней губе.

– И не вздумайте подавиться костью, – напутствовала она меня, хотя я еще ни разу не давилась костью.

Оставшись, наконец, в одиночестве, я стала разбирать почту. Родственник, о котором я никогда не слышала, сидел в турецкой тюрьме, и ему обещали отрубить голову, если он не сможет выплатить штраф в пятьдесят гиней за оскорбление султана. Возможно, я уделила бы ему чуть больше внимания, если бы местом отправления на почтовом штемпеле не значился Престон, а так я бессердечно бросила его на произвол судьбы.

Потом я стала просматривать свежий выпуск «Таймс», едва удостоив взглядом объявления на первой полосе. У меня пока не было нужды ни в солях для печени, ни в электрических приборах, стимулирующих кровообращение, хотя я и задумалась, не стоит ли воспользоваться мозговым тоником профессора Фробишера, который гарантированно помогал любой даме мыслить более здраво – вероятно, по-мужски. Я перевернула страницу, почти не запачкав нижний край сливочным маслом.

Знаменитый частный сыщик Сидни Грайс и его крестница Марч Миддлтон сумели выследить таинственного Честного издателя и разыскать его логово в Уимблдоне. Многие считали его мифической фигурой.

В горле у меня стояло что-то острое, и я кашлянула, хрипло, как полковник, страдающий от разлития желчи, но острый предмет никуда не делся. Я торопливо прожевала и проглотила кусок тоста, который не только не сдвинул острый предмет с места, но и застрял сам. Задыхаясь, я подбежала

к буфету, плеснула в чашку кофе – к счастью, остывшего – и сумела смыть этот ком в желудок. Послышались тяжелые шаги, и я поспешила вернуться в кресло.

Агнуст посмотрела на меня с подозрением. Должно быть, услышала переполох. Вероятно, я покраснела. Но она ничего не сказала, только поинтересовалась, не считаю ли я, что ей нечем заняться, когда я не расплескиваю напитки. Я заверила ее, что не считаю так. Если бы она не вернулась, я бы сама все убрала, но однажды она застала меня за смахиванием крошек со скатерти и спросила, не мечу ли я на ее место.

– Я ничего не планирую на этот день, – сказала я, пока она убиралась, пытаясь ее успокоить.

– А на вечер? – недоверчиво спросила она. – Мы же не собираемся на травлю медведя или на петушиные бои с мерзкими людишками?

Под мерзкими людишками подразумевались гарротеры. Через двадцать лет после того, как они навели шуму в Лондоне, паника охватила Восточную Англию. В Горхэме, напав сзади, задушили мужчину, в Ипсвиче – трех женщин, не говоря уж о горничных, молочниках и викариях по всему графству. Среди многочисленных недостатков этих историй было то, что они всякий раз происходили с каким-то знакомым знакомого, но рассказчик никогда не мог вспомнить имя жертвы. Говорили, что об этом пишут во всех газетах, но, должно быть, речь шла не о тех изданиях, которые доставляли мне.

– Не собираемся? – надавила Агнуст.

– Вы – нет, – ответила я и уже собиралась добавить, что и я не собираюсь, когда зазвонил дверной колокольчик.

– Это-то еще кто? – Агнуст навострила уши.

– Есть лишь один способ узнать, – ответила я, но, поразмыслив, нашла по меньшей мере три, хотя самым простым и традиционным было открыть дверь.

Я сидела и ждала. В обязанности Геррунда не входило открывать посетителям, за исключением тех случаев, когда Агнуст не могла открыть, и я была уверена, что в мои обязанности это тоже не входит. Она расплела руки и вздохнула.

– Наверное, мне стоит открыть, – решила она. – Но ежели это кто-нибудь из ваших дружков, то вы гулять не пойдете.

Прошло семнадцать лет с тех пор, как восьмилетняя леди Вайолет Торн, гонясь за своим обручем, выбежала на дорогу перед телегой с сеном, и через год я уже была полностью здорова, но ни Агнуст, ни вмятина в черепе никогда не позволят мне забыть об этом. Немного найдется звуков ужаснее, чем треск костей, особенно твоих собственных.

10
Голубые розы и габсбургская челюсть

Дверь открылась, потом закрылась. Последовал негромкий разговор. Значит, звонил не торговец, не почтальон и не разносчик телеграмм, потому что никто из них не сумел бы переступить порог без драки, а Агнуст вернулась невредимой и принесла серебряный поднос с белой визитной карточкой.

– С вами желает поговорить дама, – объявила она, потирая подбородок, на котором в последнее время появилось несколько черных волосков.

Я машинально потрогала свою челюсть. Это что, щетина? Я испытала облегчение, обнаружив, что это была тонкая рыбья косточка, хотя мои застольные манеры предстали не в лучшем свете.

– Она сказала, что у нее за дело?

– Сказала, что дело личное.

«Она хочет денег», – заявила Руби.

– И она не за деньгами, – добавила Агнуст.

«Значит, точно будет их просить», – настаивала Руби, и я уже собиралась сказать, чтобы Агнуст отослала женщину, когда та добавила: – И вот еще что странобычного…

Странобычным, по крайней мере в Тетбери, называли все странное и необычное.

– Что?

– Сказала, что ей нравятся ваши книги. – Агнуст подняла руку, показывая, что чудеса еще не кончились. И изумленно уточнила: – Все ваши книги.

– Тогда мне стоит ее принять, – решила я, поскольку встретить поклонника труднее, чем пеликана на площади Пикадилли-Серкус.

«Засунь ее в стеклянную витрину и показывай за деньги», – посоветовала Руби.

Она неважно провела ночь в гробу и была в это утро особенно раздражительна.

– Усадите ее в передней гостиной, я скоро приду, – распорядилась я, не обращая внимания на бормотание Агнуст.

Она очень не любила делать то, что ей говорили, и я подозревала, что это было одной из причин, по которым родители столь щедро подарили ее мне.

Оставшись в одиночестве, я посмотрелась в зеркало и, как всегда, удивилась, почему милосердный Господь счел нужным дать мне такой крошечный нос. А это что на подбородке? Масло? Странно, что его не заметила Агнуст, которая редко упускала возможность отчитать меня. Я утерлась, заметив на пальцах чернильные пятна, хотя не прикасалась к перу уже два дня, но решила, что в остальном я выгляжу прилично.

Моя посетительница была невысокой – пять футов и пара дюймов, – но все же имела передо мной преимущество. По моей оценке, ей было около тридцати пяти лет. На золотисто-каштановых волосах лежала соломенная шляпка. Этим летом канотье вошли в моду, хотя Геррунд утверждал, что в них люди похожи на крытые соломой коттеджи. На ней была простая бирюзовая юбка, короткий жакет в тон и белая блузка. Стройную шею обвивала довольно красивая нить кремового жемчуга.

– Доброе утро. – Я протянула руку, и она крепко пожала ее.

– Очень любезно с вашей стороны принять меня так рано.

Мне понравились ее духи, но спрашивать, каким парфюмом она пользуется, было, пожалуй, рановато.

«Я знаю, каким парфюмом она пользуется, – сказала Руби. – Дорогим».

– Вы миссис Райан?

– Да, но я предпочитаю, чтобы меня называли Мартой, если это вас устраивает.

– В таком случае зовите меня Вайолет.

Она неуверенно огляделась по сторонам.

– Присаживайтесь, Марта.

Я указала налево, где под углом в сорок пять градусов друг к другу перед большим окном с поднимающимися створками стояли два кресла. Оба закрытые, с высокими деревянными подлокотниками, обитые в тон моим обоям с ро-

зами и шпалерами. Обивка на сиденье моего кресла заметно растянулась и провисла после того, как Агнуст попрыгала на нем в ботинках, пытаясь прихлопнуть муху, которая досаждала ей все утро, – и лишь потом поняла, что это у нее в глазу плавают мушки, как говорят местные.

– Как мило и современно.

Кресла разделял небольшой низкий столик, который вошел в моду с тех пор, как платья потеряли в объеме и стали реже смахивать с него безделушки.

– Уильям Моррис, – сказала я. – Не всем он нравится. Его мебель считают слишком простой.

– О нет, – возразила она. – Меня скоро начнет тошнить от вычурной чепухи, которой мы забиваем свои дома. В конце концов, впереди двадцатый век.

– Кресла удобнее, чем кажутся, – заверила я, когда она уселась в одно из них. Потом пояснила: – Вот эти клинышки можно переставить, чтобы откинуть спинку.

Почти как продавец в магазине, где я их купила.

– Как умно.

Марта сидела с прямой спиной, держа на коленях сумочку и теребя замочек. Сумочка была довольно красивая, разумеется, голубая – наряд этой леди был тщательно продуман, – с вышивкой в виде переплетенных тюльпанов.

Перед нами лежала площадь Серафим-сквер. По левой стороне тянулись остатки старых кремневых монастырских стен, из них выпирал огромный куб сторожки с высокой ар-

кой, через которую люди проходили в сады. Справа стоял отель «Парадиз» – это название могло бы показаться тщеславным, но на самом деле его основал некий мистер Уолтер Парадиз. Прямо, в дальнем конце площади, находился «Пифагор» – двухэтажное здание, покрытое белой штукатуркой, с фальшивыми греческими фризами и статуей великого человека над портиком. Это был клуб для мужчин, занимающихся философией, наукой и литературой, и он был недоступен для меня по всем перечисленным пунктам.

– Будете чай или кофе? – спросила я.

– Я бы с радостью выпила кофе, – ответила она.

Родственная душа. Я всегда пила настой заваренных листьев больше из вежливости, чем для удовольствия. Я подошла к сонетке и уже собиралась позвонить, когда появилась Агнуст.

Она часто стояла у двери, когда к нам приходили новые гости. Дело было не только в любопытстве – хотя она и была наделена им с избытком, – но и в том, что она не забыла, как милая старушка ткнула меня камертоном в руку, которую я подняла, защищаясь, за то, что я стимулировала ее мужа. Мой грех заключался в том, что я использовала в одном предложении слова «грудь» и «вздымалась», хотя между ними не было связи и речь шла о мужчине.

– Не вините меня, если не заснете после обеда, – пробормотала Агнуст, и я пообещала, что не буду, хотя мне казалось, что в последний раз, когда меня отправляли вздрем-

нуть после обеда, мне было четыре года.

– Я тоже не буду вас винить, – заверила Марта Райан, и ее ореховые глаза блеснули так лукаво, что я прониклась к ней еще большей симпатией.

– У вас хороший вид на площадь, – заметила она, когда Агнуст ушла.

Главный рынок, что неудивительно, располагался на Рыночной площади, но прилавки стояли и на Серафим-сквер. В основном здесь продавали предметы роскоши, сувениры и прохладительные напитки для посетителей монастыря. Аляповатые и неточные фарфоровые изображения монастырских ворот были на удивление – во всяком случае, для меня – популярными подарками, но трудно было представить, что получатели принимают их и выставляют напоказ с неподдельным удовольствием.

– А у площади хороший вид на меня, – сказала я, поскольку не любила тюлевые занавески, – но мне нравится наблюдать за людьми.

– Ищете типажи?

– Пытаюсь.

Мисс Угорь была на месте. Но она не выступала в цирке, а продавала вонючую похлебку, которую варила в шумно булькающем котле, помешивая ржавым стальным половником. Она всегда раскладывала свои деревянные ложки и миски рядом со статуей короля-воина Эдмунда, вооруженного только крестом. Зимой люди собирались погреться во-

круг ее жаровни, топившейся углем, но я не понимала, как она выдерживала жар огня палящим летом 1895 года.

– Я читала один из ваших романов, – заявила Марта, и мое сердце ухнуло вниз, как ухает поплавок, когда форель неуверенно трогает наживку.

Один? Агнуст сказала, что она читала все.

– Да? И какой же?

– «Смерть в апартаментах „Марс“».

– Ах, эту безделицу, – пробормотала я, вызвав негодование Руби.

В этом приключении она выследила в Хэмптон-Кортском лабиринте бешеного бабуина.

– Это вовсе не безделица, – возразила Марта Райан, – мне роман очень понравился. Из-за него я не ложилась спать до глубокой ночи. Руби Гибсон такая умная.

«Безусловно», – напыжилась Руби, а гостья продолжала:

– Я так и не поняла, как она узнала, где кинжал.

«Я тоже», – подумала я, и сердце снова всплыло на поверхность, но вслух я сказала:

– Предпочитаю оставлять читателям пищу для ума.

– И вам это, несомненно, удается, – с восторгом подхватила она. – Я дочитала книгу в понедельник, а сегодня утром сразу же отправилась в книжный магазин Элкина и Ловата, чтобы заказать остальные части серии.

– Спасибо. Надеюсь, они вам понравятся.

– Уверена, что так и будет.

Выслушивать комплименты было приятно, но я решила сменить тему, поскольку у меня сложилось впечатление, что посетительница тянет время.

– Полагаю, вы хотели обсудить что-то личное, – сказала я, и она провела рукой по нижней стороне подлокотника – не пыль же она там искала?

Пальцы у нее были длинные, на левой руке – обручальное кольцо, на другой – крупный бриллиант.

– Я чувствую себя глупо, когда собираюсь произнести это вслух, – призналась она.

– Не стоит, – заверила я, хотя у нее вполне могла иметься веская причина испытывать неловкость.

– Конечно, я вас не знаю… – начала она.

«Конечно», – нетерпеливо согласилась Руби и начала расхаживать взад-вперед в моих мыслях.

– Но в кафе «Кордова» я разговорилась с одной особой. Как я понимаю, мисс Хетти Грейнджер – ваша подруга.

– Мы знакомы много лет, – согласилась я, не упомянув, что Хетти должна была стать одной из подружек невесты на моей свадьбе.

– И она очень хорошо о вас отзывалась.

– Я тоже высокого мнения о ней, – сказала я, пытаясь мысленно замести воспоминания об эскападах Хетти под ковер, по которому топталась Руби.

– Значит, я правильно думаю – не так ли? – что могу положиться на ваше умение хранить секреты?

«Стой», – велела я Руби, и она, сердито выдохнув, замерла с поднятой ногой, как ребенок, играющий в живые статуи.

Моя посетительница была столь явно взволнована, что я слегка откинулась назад. Если наклониться вперед, будет казаться, что я внимательно слушаю, но в то же время может создаться впечатление, что я готова наброситься на собеседницу.

«Моя школа», – напомнил Хефти, подкручивая уже подкрученные усы.

– Я не сплетничаю. Во всяком случае, о том, что мне рассказали по секрету. При условии, – добавила я для ясности, – что молчание не подвергнет риску невинного.

Если она хотела воспользоваться моими скромными литературными способностями, чтобы составить план убийства, мне потребуется веская причина, чтобы оказать ей услугу. Вообще-то Марта Райан могла стать отличной убийцей в моей следующей книге. Она была столь очевидно невинна, что никто ее не заподозрил бы.

«Я бы заподозрила, – сказала Руби, едва не опрокинувшись навзничь. – У нее слишком блестящие глаза».

«Т-с-с».

Моя посетительница снова застегнула сумку, и я кивнула – ободряюще, как я надеялась.

– О чем вы хотели поговорить, Марта?

– Я не уверена, – ответила она, чем нимало не прояснила ситуацию. – Возможно, вы ничего не сможете сделать.

– Но? – Я отмахнулась от бормотания своих персонажей, которые советовали сказать ей, чтобы она перестала тратить наше время и ушла.

«Но сначала узнай, какими духами она пользуется».

– Я пришла по поводу человека, с которым я дружу, – неуверенно начала Марта, и я вздохнула – надеюсь, не вслух.

В «Тайне Уотерворкс-роуд» один из клиентов Руби Гибсон утверждал, что просто наводит справки для приятеля. Ему недолго удавалось обманывать мою героиню, а Марте не удастся обмануть меня даже на одно тиканье золотых часов, которые висели на цепочке у меня на шее.

– У него или у нее неприятности? – холодно поинтересовалась я.

– Именно поэтому я здесь. – Марта снова расстегнула сумочку. – Я не знаю. – Порывшись в сумке, она достала один из тех глупых кружевных платочков, которые полагается носить женщинам и которые годятся лишь для того, чтобы махать вслед возлюбленным, отправляющимся истреблять иностранцев.

Вошла Агнуст с подносом.

– Оставьте здесь, – сказала я ей.

– О, а я как раз подумывала забрать его с собой, – ответила она не очень-то тихо, и я положила себе поговорить с ней позже, хотя и знала, что толку от этого не будет.

Я любила сарказм, но предпочитала находиться в положении саркастика, то есть сарказмировать, а не быть сарказми-

руемой, если уж придумывать слова, которые, пожалуй, придумывать не стоило.

– Налить, миледи? – спросила она, словно предлагая мне последнюю каплю своей крови.

– Нет, я налью сама.

– Леди Вайолет Независимая, значит, – вздохнула она, и Марта с удивлением посмотрела ей вслед.

– У вас необычная горничная.

– Она – моя габсбургская губа. Не самое привлекательное из того, что у меня есть, но она досталась мне в наследство. – Я налила нам кофе. – Вот молоко и сахар.

– Спасибо.

Как и я, она налила себе молока и положила сахару.

– Простите, – сказала она, складывая неиспользованный платок и убирая его обратно. – Но я чувствую себя глупо. Уверена, мои опасения покажутся вам довольно смешными.

«Довольно?» – хохотнула Руби, и я решила, что надо будет устроить ей хорошенькую взбучку. «Только попробуй», – поддела она, и я отказалась от этой идеи. Мало что столь же несовместимо с чувством собственного достоинства, как поражение в бою с собственными воображаемыми персонажами.

«Воображаемыми?!» – взвилась Руби.

– Пожалуйста, продолжайте.

– Но, Вайолет, – колеблясь, начала Марта, – вы не будете смеяться?

– Конечно нет, – заверила я, надеясь, что смогу сдержать слово.

Нередко, когда мне говорят, что что-то меня рассмешит, я знаю, что мне не будет смешно и что придется выдавить улыбку, но если меня просят не смеяться, я вынуждена сдерживать хохот еще до того, как узнаю о каком-нибудь ужасном провале.

Марта вздохнула.

– Моя лучшая подруга не хочет со мной разговаривать, – тихо сказала она.

11
Мунго Пирс и кровь на соли

На потолке сидел паук. И довольно большой. Но я заметила его, только когда подняла глаза. Если бы я не была начеку, то, возможно, нашла бы заявление Марты Райан слегка забавным. А скорее я бы поинтересовалась, из какого бедлама она сбежала. Первой моей мыслью было, что она шутит. Может, кто-нибудь подослал ее, чтобы разыграть меня? Но у меня не было друзей, склонных к таким шуткам, – Хетти вне подозрений, – а враги, если бы они имелись, наверняка били бы посильнее. Однако было видно, что гостья встревожена, и мне не составило труда сохранить спокойное выражение лица. Она сглотнула и вцепилась в ручку сумочки.

– Понятно. – Я подняла свою чашку. – Но чем я могу вам помочь?

– Возможно, вы не можете помочь. Но я бы хотела, чтобы вы выяснили почему.

– Хотите, чтобы я спросила у нее? – слегка удивилась я.

Странно обращаться с такой просьбой к незнакомому человеку.

– Боже правый, нет, – поспешно ответила она. – Я бы хотела, чтобы вы провели расследование. – Должно быть, Марта заметила мой скепсис и неправильно его истолковала, по-

тому что добавила: – Если только вы не слишком заняты.

«Ты слишком занята», – постановила Руби.

«Несомненно», – согласился инспектор Хефти, который все еще томился в одной из моих многочисленных неоконченных рукописей.

– Дело не в этом, – сказала я, с усилием возвращаясь мыслями к тому, что обсуждалось. – Я могу найти время, но… – Я помедлила. – Вы ведь знаете, что я не сыщик?

Марта слегка покраснела.

– Конечно.

Я поспешила добавить, пока она не обиделась:

– Просто даже очень умным читателям случается путать меня с моей героиней.

На самом деле это были люди с одной мозговой клеткой, и меня удивляло, что они умеют читать, но я пыталась делать то, чему мисс Кидд, моя гувернантка, отчаялась меня научить – быть тактичной.

Марта сухо улыбнулась.

– Я не сбежала из лечебницы Дьюбери-Холл.

– Я знаю.

Я помешала свой кофе.

Будь это одна из моих историй о Хефти, я бы сделала какое-нибудь умное замечание, но, беспокоясь, как бы моя посетительница не стала питать иллюзии относительно моих дедуктивных способностей, я пояснила:

– Ее директор – мой родственник, он бы мне рассказал,

если бы пропал один из пациентов.

Марта кивнула.

– Я подумывала нанять частного детектива, – сказала она. Конечно, ведь это первое, что приходит в голову, когда ссоришься с подругой. – Но об их непорядочности рассказывают такие страшные истории.

– Рассказывают, – согласилась я, зная, что Хетти имела неприятный опыт общения с агентством Барфоломью Пентиджина.

– И как бы я объяснила Артуру, моему мужу, за что мне пришел счет?

– Артур и Марта, – протянула я, хотя мисс Кидд учила меня в детстве (а Агнуст только на прошлой неделе напоминала об этом) никогда ничего не говорить о чужих именах. Люди могут подумать, что я над ними насмехаюсь, и, скорее всего, будут правы.

– Именно так, – согласилась Марта безо всяких признаков обиды. – Созвучие наших имен показалось мне забавным еще до замужества. С тех пор мне мало что кажется забавным.

«Не спрашивай о подробностях, – посоветовала Руби, – иначе она никогда не уйдет».

Мальчик – продавец открыток – шел к своему излюбленному месту перед огромной аркой из кремня и раствора, в которой находились ворота монастыря. Дойдя, он сядет на низкие руины стены и закрутит ноги кренделем, гротескно

подражая калекам.

– Значит, ваш муж не знает о вашей подруге?

– Это лишь подтвердило бы его мнение, что даже умнейшие из женщин легкомысленны.

– В этом мнении он не одинок, – прокомментировала я, и Марта опустила голову.

– А вот мне одиноко.

– У вас есть дети?

Марта тяжело вздохнула.

– Четыре мальчика. Все родились мертвыми. – Она ущипнула себя за переносицу. – Долорес была единственной, к кому я могла обратиться после рождения последнего. Тогда Артур уже потерял интерес к моему горю.

Марта шумно выдохнула.

«А теперь она вцепилась в тебя, – сказала Руби, и это замечание прозвучало неприятно, но, возможно, было весьма точным. Я уже собиралась как можно мягче свернуть разговор, когда Руби добавила: – Избавься от нее».

Если у Руби, Агнуст и меня было что-то общее, так это нелюбовь к тому, чтобы нам указывали, что делать; и, говоря словами Бирюка, мне вожжа под хвост попадала, когда мной пыталось командовать мое собственное творение.

– Я сделаю все, что смогу, – пообещала я, хотя не имела ни малейшего представления о том, что может входить в этот перечень.

«Обо мне не беспокойся, – лимонно-кислым голосом ото-

звалась Руби. – Я чувствую запах гари».

Марта Райан сжала мою руку.

– Спасибо. Вы и Хетти – первые, кого я встретила за долгое время и кто производит впечатление людей, которым я могу доверять. – Она снова расстегнула сумку – к чести британских производителей, замочек до сих пор не сломался. – Не возражаете, если я закурю?

– Вовсе нет, – сказала я, хотя мне не нравился едкий запах сигарет и его манера пропитывать мою одежду и мебель. По крайней мере, у нее хватило вежливости спросить. Большинство людей полагают, что ничто не доставит мне большего удовольствия, чем окунуться в выдыхаемый ими дым.

Я встала, подошла к письменному столу, открыла нижний ящик и достала лиможскую пепельницу. Это был подарок подруги, которым она собиралась пользоваться во время визитов. На донышке были изображены женщина и пастух. Только горожанин мог представлять грубияна, охраняющего овец, в образе романтического персонажа.

– Давайте начнем с подробностей, – предложила я, чтобы успокоить гостью. – Где вы живете, Марта?

– Крэнберри-Хаус. – Она рылась в сумочке. – На Орчард-сквер.

– Хорошее место.

«И дорогое, – заметила Руби. – Пусть заплатит за наше время».

Марта достала серебряную коробку со спичками, но за

ней последовал не парный портсигар, а красная прямоугольная коробочка с откидной крышкой, на которой было написано «Ароматизированные сигареты LITTLE QUEEN». На кончике сигареты, которую она вынула, был золотой ободок, а сбоку, также золотом, было напечатано название марки. Она выглядела настолько изысканно, что я чуть не попросила дать одну штучку и мне, чтобы только подержать ее в руках.

– Как зовут вашу подругу? – спросила я, пока Марта вставляла сигарету в серебряный мундштук, отлитый в форме змеи с разинутой пастью.

– Миссис Долорес Пойндер. Ее муж – врач.

– Доктор Эдвард Пойндер? – Я знала это имя, хотя никогда не прибегала к его услугам.

«Пока», – уточнила Руби.

– Да. – Марта зажала мундштук между ровными белыми зубами.

«На самом деле зубы никогда не бывают белыми, – поправила меня Руби. – В лучшем случае они светло-желтые, потому что сквозь эмаль просвечивает дентин».

«Да, но…»

«Кроме того, – перебила она, – зубы не могут быть ровными. Они изгибаются, повторяя изгиб челюстей».

Я знала, что она права, но у моей гостьи были хорошие зубы, и назвать их кривыми и светло-желтыми было бы несправедливо.

Марта зажгла спичку, наклонила голову, прикуривая, и погасила спичку, помахав ею.

– У него в доме есть смотровая, он проводит два дня в неделю в доме престарелых и еще один – в госпитале. – Она ловко переломила спичку. – А еще, чтобы закрепить за собой место в раю, в существование которого он не верит, он бесплатно помогает беднякам из трущоб.

Я вспомнила, что у доктора Пойндера была еще более веская причина претендовать на звание святого.

– Тот бедный мальчик, – машинально произнесла я.

– Да, – кивнула Марта. – Эдвард был героем дня.

Я смотрела, как она втягивает дым. Была ли в ее тоне нотка иронии? Если да, то я не могла понять почему.

Газеты уже несколько недель пестрели сообщениями об этих событиях. Даже стервятники с высот Флит-стрит не обошли Монтфорд вниманием, поскольку в этой истории было все, чего они могли пожелать: убийство ребенка, красавец-герой, невинно арестованный человек и тот же красавец-герой, который его спас.

=♦=♦=♦=

Доктор Эдвард Пойндер только что закончил осматривать пациента в своем доме, когда услышал, как Шеба, его английский сеттер, дико залаяла, а затем завизжала, словно от боли. Выбежав в сад позади дома, Пойндер с ужасом увидел, что его питомица лежит мертвой на террасе, вся в крови и с перерезанным горлом.

Краем глаза он заметил фигуру человека в длинном черном плаще и фетровой шляпе, который пробирался через кустарник к боковым воротам. Пойндер пустился в погоню и как раз успел увидеть, что человек повернул за угол, направляясь к садам Гейнсборо. Он хотел продолжить преследование, но его глазам предстало еще более жуткое зрелище: по дороге, шатаясь, брел маленький мальчик, истекавший кровью из ран на груди и шее. Доктор бросился на помощь, но мальчик упал, и, как Пойндер ни старался, ему не удалось остановить кровотечение.

В эту минуту подъехал на своей телеге Джейкоб Кауфман,

продавец соли в блоках. Он был сам не свой. Врач попытался его остановить, но он прижал ребенка к груди и не отпускал, пока тот не умер.

Кауфман опознал в жертве Мунго Пирса, десятилетнего сына местного бакалейщика, который был достаточно состоятелен, чтобы не заставлять дитя работать. Мунго все любили. Добродушный и разговорчивый, он часто сидел возле отцовской лавочки и болтал со всеми, кто проходил мимо. Кауфман слыл человеком одиноким и угрюмым, но даже он поддался обаянию мальчика. Между ними завязалась дружба, и Мунго стал кататься на телеге солеторговца. Он забегал через черный ход в дома, относя заказы, завернутые в коричневую бумагу.

Кухонные служанки часто угощали его хлебом с маслом или пирожными. А пока мальчик болтал с ними, Кауфман продолжал объезжать квартал, останавливаясь у каждого дома, чтобы доставить соль регулярным покупателям или проверить, не хочет ли кто-нибудь сделать заказ, так что Мунго было нетрудно его догнать. В этот раз ребенок не вернулся к телеге, и Кауфман ездил кругами, разыскивая своего юного друга, чтобы найти его на грани смерти.

Пойндер позвонил в монтфордский полицейский участок. Первым прибыл сержант Горбалс с двумя констеблями. Пойндеру нужно было вести прием в доме престарелых в Ньюбери, поэтому он дал краткие показания и вернулся домой, чтобы помыться и переодеться. Поручив своему слуге

Туйону похоронить Шебу в саду, он отправился на работу.

Тем временем констебль Каннинг, увидев, что Кауфман весь в крови, обыскал его телегу. На блоке соли нашлись пятна крови, а под брезентом был спрятан нож, похожий на мачете. Рукоятка ножа также была в крови. Если бы Кауфман не запаниковал, он мог бы объяснить, что резал этим ножом соль и имел привычку прятать его, чтобы не украли, когда он отвернется, а кровь, должно быть, попала на нож, когда он убрал его, приняв последний вздох Мунго. Но у него и раньше были неприятности с полицией. Одна служанка обвинила его в непристойном поведении, и ему досталось от полицейских, прежде чем другие слуги поручились за него. Поэтому он запаниковал и по глупости заявил, что порезался, но, не сумев показать порез, был арестован и обвинен в убийстве.

Когда доктор Пойндер прибыл в полицейский участок Монтфорда, чтобы дать показания, ему сообщили, что Джейкоб Кауфман признался в убийстве Мунго Пирса и Шебы, и попросили осмотреть виновного, который споткнулся, спускаясь по каменной лестнице в камеру. Полиция сообщила, что Кауфман поссорился с кухаркой доктора Пойндера и убил собаку в отместку за то, что она отменила регулярный заказ, а затем, воспылав жаждой крови, набросился на ребенка, который, будучи привязан к Шебе, попытался вмешаться.

Следует отдать должное «Монтфордской хронике», которая попыталась дать взвешенное описание событий. Но про-

чие газеты не преминули раздуть и без того сенсационную историю. «Еженедельник англичанина» напоминал читателям насчет Кауфмана, что евреи, как хорошо известно, приносят в жертву детей язычников для своих ритуалов. Пойндера не убедили ни эти россказни, ни рассказ сержанта о том, как Кауфман получил свои травмы, и, когда солеторговец отказался от своего признания, доктор представил следствию собственную версию событий. Он утверждал, что убегающий человек, которого он видел, ничуть не походил на Кауфмана; орудием убийства был разделочный нож, который убийца выбросил; а то, что полиция не приняла мер по его показаниям, позволило виновному скрыться.

Обвиняемого отпустили без суда, и «Еженедельник англичанина» разразился громкой статьей, обвиняя полицию в том, что она поддалась антисемитским настроениям, но Кауфман стал изгоем. Люди задавали вопросы насчет того, какую природу имела его дружба с Мунго, а служанки стали бояться иметь с ним дело.

«Грязь прилипает, – прокомментировала Руби, – но кровь оставляет пятна, которые не смыть».

12
Хаос и святоша

Марта глубоко вдохнула. Выражение лица святой Терезы в экстазе не шло ни в какое сравнение с восторгом моей гостьи, в чей мозг хлынул никотин.

«Прекрасно понимаю, что она чувствует», – заметил Хефти, который так и не простил мне, что его любимая трубка из вишни сломалась, отразив пулю. Он жаловался, что сам мог бы оправиться после ранения, а вот трубка не подлежала восстановлению.

– Где живут Пойндеры? – спросила я, пытаясь незаметно отогнать дым.

– В поместье Хаглин, близ садов Гейнсборо.

– Тоже хорошее место, – заметила я, представив карту местности. После того как Руби обвела все пабы красными чернилами, рассматривать карту стало довольно неудобно. – И рядом с Орчард-сквер.

– У наших садов есть общий забор, – сказала Марта. – Так мы и познакомились.

Я встала и приподняла нижнюю створку окна на несколько дюймов.

– Если будешь плохо себя вести, получишь взбучку, – пригрозила угрюмая няня воющей девочке, которую тащила за

собой, и я задумалась, понимают ли матери, как сильно иные слуги ненавидят детей, которых родители обожают, но не дают себе труда ухаживать за ними.

– Люблю свежий воздух, – сказала я, оправдываясь, и удивилась тому, что чувствовала себя обязанной это сделать.

Мое внимание ненадолго привлекла оборванная женщина в латаном платье и потрепанном чепце, стоявшая на мостовой. Дорогу по краю площади покрыли гудроном, чтобы проносящиеся экипажи не забрасывали пешеходов щебнем, и это решение казалось очень удачным, пока покрытие не начало плавиться от летней жары. Теперь кебмены жаловались, что маслянистая черная жижа липнет к колесам, забрызгивает корпуса кебов и забивается в копыта лошадей.

– Расскажите мне о вашей первой встрече, – попросила я, поскольку было бы нелишне знать, как завязались отношения, если я хотела составить мнение о том, почему они прервались.

Когда я вернулась в кресло, из ноздрей Марты вырвалось облачко дыма, напомнившее мне о страшном драконе Тетбери, который, как мне говорили, испепелял всех глупых детей, игравших в отцовском винном погребе.

– У Долли – то есть у Долорес – есть кот по кличке Хаос, и это имя ему очень подходит, – начала Марта – не так уж она была похожа на дракона, в конце концов. – Ему удалось, бог знает как, забраться на высокую араукарию, которая растет с нашей стороны стены, и она спросила, можно ли зайти

в мой сад, чтобы снять его. – Марта постучала по мундштуку, стряхивая пепел. – После долгих уговоров мы заставили его спуститься. По какой-то причине нам сразу стало уютно вместе. Я пригласила ее на кофе, и уже на следующий день она позвала меня к себе. Так началась наша дружба, и мы стали неразлучны, как сестры, которых у нас обеих не было.

Я наклонилась, чтобы было удобнее наливать кофе.

– Как давно это было?

– Чуть больше восьми лет назад. Понедельник, четырнадцатое марта.

– Откуда вы знаете точную дату?

– Я веду дневник. – Марта едва заметно напряглась. – Но он личный.

– Тогда я не буду просить его почитать, – заверила я.

Дневник мог бы пригодиться. Дневнику женщина поверяет то, чем и не подумала бы поделиться с лучшей подругой, и немало браков были разрушены, когда муж прочел дневник жены.

– Вы когда-нибудь ссорились? – спросила я, поскольку ни разу не встречала двух женщин, будь они хоть сестры, которые бы не ссорились.

– Однажды, – признала Марта. – Долорес, как обычно, пела Эдварду дифирамбы, рассказывала, какой он молодец, что уделяет столько времени Аделаиде Поплин, которая страдала от потери веса. Мне было скучно, и я сказала, что отец Аделаиды замечательно богат.

– Он… – начала я.

– Промышленник. – Она подтвердила мое предположение раньше, чем я его высказала.

В детстве я думала, что Поплиновы локомобили изготавливают швеи, но, повзрослев, поняла, что их производят, ломая мужские тела в литейных цехах и на заводах.

– Наверное, мне не следовало называть ее имя, – спохватилась Марта, хотя я бы сказала, что виновата скорее ее подруга, разгласившая врачебную тайну.

– Можете положиться на мое умение хранить секреты. Что случилось потом?

– О, это было глупо, – призналась Марта. – Она сказала, что Эдвард берет с Поплин не больше, чем с любого другого пациента, однако я была слишком упряма, чтобы отказаться от своих слов. – Марта взмахнула рукой с мундштуком. – Но на следующее утро я послала ей дюжину белых роз и записку с извинениями. – Она вдруг стала с интересом разглядывать свою левую ладонь. – Долорес сразу же пришла ко мне. Мы обнялись и помирились, и больше этот вопрос не поднимался. Это было почти два года назад.

– Так что же пошло не так? – спросила я, и она смахнула с рукава невидимую частичку пепла.

– Долорес сопровождала мужа, когда он уехал на пять месяцев в турне по Европе. Он собирался обучить коллег какой-то новой технике, которую сам разработал. Мы ласково попрощались, сказали друг другу, что будем очень скучать,

и пообещали поддерживать связь. Мы обнялись, и Долорес заплакала. Она всегда была более впечатлительной, чем я, но в этот раз я тоже плакала.

Я внимательно наблюдала за гостьей. Она выглядела так, словно собиралась повторить описанное ею действие.

– А потом? – мягко спросила я.

Марта посмотрела в окно на площадь, но у меня сложилось впечатление, что она ничего не видит, даже Веселого Джимми Джонса, который пугал маленьких детей и раздражал людей постарше своими хриплыми выкриками.

– Боже правый, я потерял голову! – прокричал он, натянув на голову пальто и обегая рысью рассерженного продавца коноплянок.

«Ах, если бы это было правдой», – с чувством сказала Руби; она не любила ничьих шуток, кроме своих собственных.

– Это был последний раз, когда мы разговаривали друг с другом, – просто сказала Марта, и, конечно же, ее глаза наполнились слезами.

«Скажи ей, чтобы взяла себя в руки», – потребовала Руби, ненавидевшая женщин, у которых глаза на мокром месте, но у меня была идея получше.

– Хотите шерри? – предложила я, и Марта промокнула глаза уголком своего воздушного и бесполезного кружевного платочка.

– Обычно я не пью в это время.

«Конечно, пьет, – презрительно усмехнулась Руби. – По-

смотри, как налиты кровью ее глаза».

«Это от плача».

– Я тоже, – сказала я. – Вы предпочитаете сладкий или сухой?

– Сухой, пожалуйста.

«Ну, уговаривать ее не пришлось», – чопорно сказала Руби (однажды она напоила друида под его жертвенником), когда я подошла к шкафчику с панелями из розового дерева, расписанными яркими разноцветными попугаями, которые сидели на парящих в воздухе ветвях.

– Вы получали от нее сообщения после того, как попрощались? – поинтересовалась я.

На вид в бутылке было меньше хереса, чем мне помнилось. Не Агнуст же об этом позаботилась? На Рождество она отказалась от сливового пудинга, потому что в нем был бренди. А Геррунд считал херес напитком для дам и викариев, к которым – ни к первым, ни ко вторым – он сам не принадлежал.

«На меня не смотри, – запротестовала Руби, когда я вытащила пробку. – Я по виски».

Она начала перечислять свои излюбленные марки, ни одной из которых у меня не имелось, но я пыталась услышать, что ответит Марта на мой вопрос.

– Одну открытку, в которой говорилось, что они высадились в Кале. Но больше писем не было, а я недостаточно точно знала ее маршрут и не понимала, куда послать ответ.

Марта вытащила из мундштука окурок и раздавила его в пепельнице.

– А когда миссис Пойндер вернулась?

Я налила две небольшие порции, затем, решив, что они выглядят скудными – они и были скудными, – долила еще.

– Я выждала неделю, чтобы дать ей прийти в себя после путешествия, а потом зашла, но мне сказали, что ее нет дома. – Марта вставила в мундштук новую сигарету. – Я повторила попытку трижды с тем же успехом. Четыре раза я звонила по телефону, и мне всегда говорили, что она недоступна. Я писала ей, но не получила ответа. Последнее письмо я отправила шесть недель назад.

Я поставила бокалы на круглый поднос из папье-маше – под слоем лака были изображены летящие малиновки – и перенесла его на маленький низкий столик, разделявший наши кресла.

Через площадь брел слепой, на котором болтался потрепанный тускло-желтый холщовый плащ. На опущенной голове сидела неглубокая широкополая шляпа. Он двигался осторожно, волоча ноги, словно по тонкому льду, и постукивал по булыжникам не белой палкой, а аккуратно сложенным зонтиком, черным, как у джентльмена. Я задумалась, нашел он этот зонтик или украл.

– Возможно, ваша подруга нездорова, – предположила я, надеясь, что не усугублю тревогу Марты.

Она зажгла еще одну спичку и прикурила сигарету.

– Я тоже об этом думала. Я даже спросила об этом у Туйона – это единственный из слуг, кому разрешено подходить к телефону, – но он отказался сказать что-либо насчет моих опасений по поводу здоровья Долорес.

«Туйон, – недоверчиво повторила Руби. – Он должен быть злодеем. У героев таких имен не бывает».

«Это основное действующее вещество нашего абсента», – напомнила я, поскольку именно она познакомила меня с этим напитком.

Марта затянулась сигаретой.

– Но, конечно, если бы Долорес заболела, она была бы рада моему обществу.

– Возможно, она подхватила что-то заразное, – предположила я, и Марта пожала плечами.

– Возможно. – Она положила сигарету и мундштук на край пепельницы. – Но я не могу понять, почему она не дала мне знать. Если ее необходимо изолировать, почему мы не можем говорить через закрытую дверь или хотя бы переписываться?

Слепой медленно двигался к нам, огибая кучу капусты. Кочаны выбросили на Серафим-сквер три дня назад, вероятно потому, что на Рыночной площади их никто не купил. Вонь от гниющих овощей проникала в мою гостиную, но, похоже, не беспокоила продавца поводков, который стоял возле самой кучи, перекинув через плечи железные цепи и прицепив к поясу кожаные ремни.

Марта подняла свой бокал, и, когда я последовала ее примеру, мне пришло в голову, что всему этому есть простое объяснение.

– Как вы думаете, возможно ли, – начала я как можно деликатнее, – что миссис Пойндер просто решила если не прекратить вашу дружбу, то хотя бы сделать ее менее… интенсивной? – Мимо проходил человек с колесной лирой, и я понадеялась, что он не собирается расположиться со своим орудием пытки слишком близко к моему окну. На прошлой неделе я целый день терпела его постоянное пиликанье и царапанье. – Возможно, это не самое удачное прилагательное, – признала я, пока Марта держала бокал в поднятой руке.

– Это подходящее слово, – заверила она и добавила, прежде чем я успела задать ей еще один вопрос: – Я пыталась убедить себя, что могла быть слишком навязчивой, но Долорес развивала наши отношения не менее усердно, чем я.

– Иногда люди начинают видеть вещи в ином свете, когда отдаляются от них. У меня есть дядя, для которого смыслом жизни был сад. Затем с ним произошел несчастный случай, и он был прикован к постели в течение двух месяцев. Он ужасно беспокоился, но после выздоровления больше никогда не брал в руки секатор. Он понял, что то, что прежде, казалось, доставляло ему радость, на самом деле было наваждением и угнетало его. – Я отпила шерри, настолько захваченная своей историей, что мне почти хотелось, чтобы она была правдивой. – Уехав и получив возможность взглянуть

на вашу дружбу со стороны, Долорес могла решить, что это не то, чего она хочет. И вместо того, чтобы устроить скандал, она выбрала трусливый способ и стала избегать встреч и разговоров с вами.

– Я и сама склонялась к такому выводу, – призналась Марта, – но потом… – Она постучала пальцем по сигарете. – Я получила вот это. – Она открыла сумочку, сунула туда руку и достала помятый белый конверт. – Письмо.

«Лопни мои глаза! – с наигранным удивлением воскликнула Руби. – А я-то думала, что это императорский пингвин».

– Могу я взглянуть? – спросила я, и Марта передала письмо мне.

– Кот Стиплджека все-таки не пропал! – взревел продавец газет. – Прочитайте все об этом деле.

13
Звонок по подсвечнику и медальон

Я не могла заставить себя ненавидеть мисс Марч Миддлтон – по правде говоря, я неистово ею восхищалась, – но на фоне ее рассказов о расследованиях, которые она вела вместе с частным сыщиком Сидни Грайсом, мои приключения Руби Гибсон выглядели такими, какими они и были, то есть очень банальными.

«Для тебя они, может, и банальные, – возразила Руби, – но для меня это дело жизни и смерти».

Будь здесь мистер Грайс, он бы понюхал конверт и учуял бы трубочный табак, причем редкую смесь, или духи, выпущенные персонально для некоей венгерской графини. Он обнаружил бы крыло вымершего жука или пятнышко карри, которое делают в одной-единственной пенджабской деревне. А то, что ему сообщили бы чернила, можно перечислять бесконечно.

Я осмотрела конверт. Помятый, когда-то белый, с предварительно нанесенным клеем – такие стали производить недавно. Адрес был написан от руки, хотя и не очень аккуратно, фиолетово-черными чернилами, предположительно галловыми. В левом верхнем углу заглавными буквами было нацарапано «ЛИЧНО В РУКИ».

Клапан, конечно же, был открыт, и я подняла его, чтобы вытащить письмо. Оно было написано теми же чернилами и тем же почерком, но на вырванном откуда-то листе чистой бумаги – вероятно, это был форзац книги.

– Разве у миссис Пойндер нет именной бумаги? – удивилась я.

Даже у Агнуст имелась целая коробка такой бумаги, которую ей подарил поклонник, старавшийся быть джентльменом, в тщетной надежде, что она заведет с ним переписку.

– Всегда была. Но даже если бы ее собственная бумага закончилась, она могла бы взять лист у Эдварда. И конверт был уже помят, когда его доставили.

Меня охватило смутное беспокойство. Было очень похоже, что письмо написали тайком и, возможно, доставили на почту контрабандой. Но почему? Женщина, которая его отправила, не сидела в тюрьме.

«Ти, – прочитала я про себя, – я совершила ужасную ошибку. Если найдешь в сердце силы простить меня, ПОЖАЛУЙСТА, приходи сегодня в час дня в кафе „Кордова“. Мне очень нужно тебя увидеть. Д +».

В письме было так много неправильностей, что я не сразу решила, с чего начать.

– Это ее почерк? – недоверчиво спросила я.

Может быть, служанке и не зазорно так корябать, но жене доктора?

– Нет, – признала Марта. – Но я уверена, что письмо от

нее.

– Почему?

– Для начала – «Ти». Это шутка, которую знали только мы. А в конце – знак поцелуя. Она всегда пишет его так. – Марта нарисовала в воздухе плюсик указательным пальцем. – Как знак сложения, а не умножения… И слово «кафе».

– Хвостик буквы «ф» наклонен в другую сторону, – заметила я.

– Она говорила, это потому, что от природы она левша, но ее приучили писать правой рукой.

Марта затянулась сигаретой, откинула голову назад и выпустила дым в воздух.

Я взглянула на обратную сторону листа, которая оказалась пустой, сложила письмо и уже собиралась положить его в конверт, когда обнаружила то, что для мистера Г. стало бы ключом к мгновенной разгадке дела. Я же вовсе не была уверена в том, что тут есть дело. Я заглянула в конверт.

– Кот миссис Пойндер белый? – спросила я, и Марта кивнула.

– Черно-белый. Почему вы спрашиваете?

Я облизнула палец, подцепила им свою находку и показала ей. Это был длинный волос.

– Хаос сильно линяет.

– Заметно. – Я мысленно похлопала себя по плечу. – И он любезно предоставил нам еще одно доказательство того, что

письмо пришло от вашей подруги.

– Да, наверное, – согласилась Марта; я явно впечатлила ее меньше, чем саму себя.

«Ну, мне кажется, что у тебя неплохо получилось», – сказала в мою защиту Руби, которая хоть и невысоко ценила мои усилия, но обычно поддерживала меня перед лицом чужаков.

– Когда вы получили письмо? – спросила я холодно, вспомнив, что эта женщина навязалась мне и могла бы хотя бы притвориться удивленной.

– Сегодня исполнилось четыре недели.

Я сразу же поняла, что могла бы определить это сама по почтовому штемпелю, и понадеялась, что моя посетительница не пришла к такому же выводу. Потом с горечью подумала, что Сидни Грайс может еще некоторое время почивать на лаврах.

– И вы пришли на встречу?

– Ну разумеется, – сказала Марта, но поспешно добавила, прежде чем я вознегодовала: – Простите. В этом нет ничего само собой разумеющегося. Вы не могли знать, смогу ли я найти в сердце силы простить ее равнодушие ко мне.

Возможно также, что у Марты уже была назначена встреча, которую она не смогла или не захотела отменить, или что она не успела прочитать письмо вовремя, но я ограничилась тем, что спросила:

– И что?

Я вернула письмо Марте, а она закрыла клапан конверта и убрала его в сумку.

– Я прождала полтора часа, но она не пришла.

– И вы не получили никакого сообщения? Она больше не пыталась с вами связаться?

– Ничего подобного, – печально сказала Марта. – Я приходила туда каждый день в течение недели – вдруг Долли что-то задержало, – но она так и не появилась.

Я попробовала свой кофе. Мягко говоря, он не был горячим.

– И что вы сделали тогда?

Марта повертела сигарету в мундштуке – безо всякой причины, на мой взгляд, кроме желания отвлечься.

– Я снова ей позвонила.

– Когда?

– Во второй половине дня после второго и третьего визитов в «Кордову». Затем на следующее утро. И один раз рано вечером, в четверг, поскольку знала, что Эдвард будет принимать в доме престарелых. Вечером в четверг мы с Долорес часто приходили друг к другу, чтобы выпить – или даже поужинать вместе, если Артур ужинал в клубе.

Марта положила мундштук на край пепельницы.

– Что случилось? – спросила я. – Когда вы позвонили?

– Туйон всегда говорил, что хозяйки нет дома. – Марта тревожно поерзала. – В предпоследний раз он сказал, что она велела ему передать, чтобы я больше не звонила. В послед-

ний раз он положил трубку, как только услышал мой голос.

«Нет уж, я ей не доверяю, – прошипела Руби мне в ухо. – Она красит волосы».

«Я – да».

«Что „да“? Тоже красишь волосы?» По крайней мере, она потрудилась изобразить удивление.

«Я ей доверяю».

«Раз так, докажи», – подначила меня Руби.

Я достала красный блокнотик с волшебным карандашом.

– Не могли бы вы записать для меня ее полное имя, адрес и номер телефона?

Я потянула за колечко, чтобы выдвинуть свинцовый грифель, и передала блокнот и карандаш Марте. Та взяла их, но посмотрела на меня вопросительно.

– Я подумала, что могу позвонить в поместье Хаглин, – пояснила я. И добавила, заметив, что она встревожилась: – Не беспокойтесь. Я не скажу, что говорила с вами.

– Но почему я не могу просто продиктовать вам номер?

– Люди нередко путаются, когда диктуют номер телефона. Чаще всего они меняют местами последние две цифры, но при этом абсолютно уверены, что назвали номер правильно. Да и я могу что-то не расслышать, – добавила я в качестве компромисса.

Я с удовольствием отметила, что почерк Марты был совсем не похож на тот, которым было написано письмо. Было видно, что ее учили писать красиво. И, например, буква «П»

состояла из прямых ровных линий, тогда как в послании от имени Долорес она выглядела смятой, как будто на ней постояло что-то тяжелое, даже когда я разгладила бумагу.

«Довольна?» – спросила я.

«Буду довольна, когда…»

«Я над этим работаю», – огрызнулась я.

– У вас все хорошо? – спросила Марта таким тоном, каким я могла бы поинтересоваться, как дела у пьяницы в сточной канаве.

– Да. Я просто задумалась.

Я встала, пересекла комнату и подошла к столику, на котором стоял телефон. Новейшей модели, в виде подсвечника, намного удобнее, чем старая коробка с ручкой, которую приходилось крутить, словно это была миниатюрная маслобойка.

– Я не уверена… – забеспокоилась Марта, но я уже называла телефонистке номер. Раздались щелчки, потом треск, и нас соединили. – Что вы будете говорить?

Она поспешно подошла, чтобы слышать разговор, и я приложила палец к губам.

– Дом доктора Эдварда Пойндера, – объявил глубокий мужской голос.

– Туйон, позовите хозяйку, – распорядилась я, понизив голос на пол-октавы в надежде, что он не узнает меня, если нам снова доведется разговаривать.

– С сожалением извещаю вас, что миссис Пойндер нет до-

ма, – ответил Туйон тем тоном, которым говорят все слуги, когда ни о чем не сожалеют.

– Когда она придет?

– Мэм, боюсь, я не могу сказать. Могу я узнать, кто звонит?

Дворецкие, какими бы небожителями они ни притворялись, всегда неправильно ставят ударение в слове «звонит». Словно это входит в их обязанности наряду с умением произносить «мэм» так, чтобы почтительность граничила с наглостью.

«Скажи, что он не может», – потребовала Руби.

«Уже спросил», – возразила я, после чего вспомнила, что разговаривала с Туйоном.

– Доктор Пойндер будет очень недоволен, – предрекла я, – когда я сообщу ему, что вы меня не узнали.

Я повесила рожок, и крюк опустился, обрывая соединение.

Марта волновалась.

– Не понимаю, чего мы этим добились.

– Туйон сказал, что хозяйки нет дома, даже не спросив, кто я. Значит, она недоступна для всех. Похоже, она либо не хочет, либо не может говорить, и вы не единственная, кто хотел бы знать почему.

– Я знаю почему. – Марта вернулась в свое кресло и подхватила сумочку так неловко, что та упала на мой кашанский ковер, а ее содержимое рассыпалось по полу. – О, ради всего

святого!

Коробка со спичками открылась, и они разлетелись на удивление далеко. Марта присела, собирая их, а я встала на колени, чтобы помочь.

– Ничего. Я справлюсь, – сказала она, глядя на беспорядок, но не пытаясь что-либо с ним сделать.

Я достала улетевший под стол золотой медальон без цепочки. Крышку украшало литое изображение стебля с листьями, увенчанного цветком из рубина и бирюзы.

– Какая прелесть, – сказала я, и крышка открылась сама собой.

– Вот почему я его не ношу, – сказала Марта. – Замок неисправен. Все время собираюсь починить его, но мне не хочется расставаться с медальоном.

– Подарок?

Медальон выглядел недостаточно старым, чтобы быть фамильной реликвией.

– От Долорес.

– Щедро с ее стороны.

– Она щедрая, – подтвердила Марта. – Очень щедрая.

В левой части медальона лежал под стеклом свернутый кольцом локон золотых волос, а в правом – фотографический портрет.

– Это…

– Долли. Она снялась перед отъездом, чтобы я ее не забыла. – Голос Марты задрожал. – Как будто я могла ее забыть.

Я вернула ей медальон, но не раньше, чем внимательно рассмотрела предмет моих расспросов – светловолосую молодую женщину с профилем невинного ребенка.

– Я тоже подарила Долорес медальон со своим портретом, – вспомнила Марта. – Но он был совсем не таким дорогим.

Привычный шум, который производили уличные торговцы и экипажи, прорезал металлический лязг, и мы обе подняли глаза.

– Капитан Хиверс, – сообщила я. – Он часто проезжает через площадь на своем авто.

Показалась моторная карета Даймлера. Ловко орудуя рычагами, капитан объехал повозку пивоварни «Козерог», поворачивавшую к отелю «Парадиз». Тяжеловоз суффолкской породы, тащивший бочки с пивом, нервно посторонился.

– И как еще никто не бросил в него одним из этих кочанов, – неодобрительно заметила Марта.

– Видите, Гектор на борту. – Я показала ей мастифа, растянувшегося на заднем сиденье. – В прошлый раз человек, который пытался сделать что-то подобное, чуть не лишился руки.

Были попытки запретить моторным экипажам въезд в центр города. Они пугали лошадей, а сквайр Кроу покалечил ребенка в Бардхэме, когда потерял управление и его автомобиль съехал с дороги. Бедняга Кроу был крайне удручен случившимся и был вынужден уволить свою экономку, мать

ребенка, за то, что она захандрила.

Я подняла записную книжку Марты и ее футляр для визитных карточек.

– Вы сказали, что знаете, почему ваша подруга ни с кем не общается, – напомнила я ей.

– Да. – Она закончила собирать свои вещи, застегнула сумочку, и мы обе поднялись на ноги.

Я заметила, что у меня на платье осталось небольшое грязное пятно. Любая другая хозяйка отругала бы служанку за то, что та позволила ковру запачкаться, но я сильно подозревала, что знаю, кто кого будет ругать.

– Я не хотела говорить, когда пришла. Вдруг вы сочтете меня истеричкой. – Марта колебалась. – Но я уверена, что могу доверять вам, Вайолет.

– Можете, – заявила я.

«Хотела бы я тебе доверять», – пожаловалась Руби.

«По моему опыту, красивые женщины не совершают преступлений, – добавил Хефти. – Они в этом не нуждаются».

Я не стала припоминать Франческу да Гримини, которая чуть не убила его в шепчущей галерее собора Святого Павла, сломав ему три пальца и разбив сердце.

«А как же милая маленькая Франческа?» – поддела Руби, и он отошел в сторону.

Мимо проезжал Кейн Вертел, и дети сгрудились вокруг его ярко-желтого кабриолета, протягивая руки, а он стал бросать им ириски.

Марта опустила голову, и на какое-то время мне показалось, что она не собирается продолжать. Но затем она вскинулась, словно разбуженная.

– Потому что Эдвард Пойндер держит Долорес в плену, – прошептала она так, словно сама в это не верила.

14
Кровь в канаве

Я выслушала заявление Марты Райан скептически, но рассеянно. Что это там вдалеке, воздушный шар? Руби однажды сбежала на таком из баварского замка, и я бы сама с удовольствием полетала на нем над городом. Возможно, наверху прохладнее, не говоря уже о виде. Воздушный шар стремительно опускался, и я испугалась за его пассажиров, но потом увидела, что это детская игрушка из вулканизированного каучука с привязанной веревочкой, которая покачивалась на ветру.

«Я же говорила, что тебе нужны очки», – напомнила Руби.

«А еще ты сказала мне перепрыгнуть через ту лужу», – напомнила я ей.

«Откуда мне было знать, что это открытый люк?»

Марта вежливо кашлянула, и я встряхнулась, выныривая из грез.

– Вы думаете, что он запирает ее… – начала я, но меня снова отвлекли – на этот раз звук двойного взрыва.

«Второй взрыв – то, что ученые называют эхом», – объяснила Руби.

– Бог мой, что это?! – воскликнула Марта, и мы обе вскочили на ноги.

Кейн Вертел удивленно поднял глаза, опустил голову и хлестнул лошадь. Она галопом сорвалась с места, разбрасывая детей, и желтый кабриолет исчез на Энджел-стрит.

Пегая лошадь испуганно шарахнулась, и хэнсом, который она тянула, налетел на водоразборную колонку.

– Просто сдетонировал двигатель, – успокоительно сказала я, хотя Марта наверняка уже слышала этот звук. Впрочем, не только у нее не выдержали нервы. Какая-то женщина, которой мы не видели, тревожно закричала.

Капитан Хиверс последовал на своем пыхтящем драндулете за Вертелом, словно не замечая вызванный им хаос. Колонка застряла между колесом и кабиной хэнсома, но пара плечистых зевак помогла кучеру сдать задом. Высвободив экипаж, тот выехал на гудронированную дорогу и, ругаясь, слез, чтобы осмотреть повреждения.

Двое хорошо одетых мужчин в котелках склонились над кем-то, и только когда один из них отошел в сторону, я увидела у их ног ту женщину в лохмотьях. Она стояла на четвереньках и, похоже, что-то искала. Ее чепец слетел и, перевернутый, валялся в канаве, но она не обращала на это внимания. Ухватившись за фонарный столб, она попыталась подняться. Ее лицо было покрыто чем-то густым и темным. Возможно, шум напугал ее, она поскользнулась и упала в кучу лошадиного навоза? Булыжную мостовую полагалось подметать, но торговцы постоянно перевозили на лошадях товары и лотки, и их редко заботила грязь под ногами.

У меня на глазах женщина покачнулась и осела. Ее руки сползли по столбу, она отпустила его и, пошатываясь, сделала несколько шагов боком к дороге. Один из мужчин попытался взять ее за руку, но она оттолкнула его, сделала два шага вперед и упала ничком. Второй мужчина сел на корточки и взял ее за плечо.

Я подняла нижнюю створку окна повыше и высунула голову.

– Эй, вы там! – позвала я, и они посмотрели на меня. – Не передвигайте ее. Сейчас я выйду.

Я поспешила к двери.

– Она упала в обморок? – недоумевающе спросила Марта.

– Не уверена. Подождите здесь.

Я распахнула дверь и крикнула:

– Геррунд! Агнуст! Живо сюда!

Почти сразу же из кухни в конце коридора появился Геррунд, а через несколько секунд из своей гостиной выглянула служанка.

– В чем дело, миледи? – спросила она.

– На улице произошел несчастный случай, – сказала я. Геррунд проскочил мимо нас и выбежал за дверь. – Принесите аптечку, – велела я Агнуст и следом за Геррундом вышла на Серафим-сквер.

У двери ошивалась бородатая Фреда.

– Подайте бедной женщине на бутылочку джина, – взмолилась она, но Геррунд оттер ее в сторону.

Пострадавшая лежала навзничь – вероятно, ее перевернул какой-то доброжелатель, – судя по всему, без сознания.

Геррунд препирался с кебменом.

– Если моя госпожа говорит, что ее нельзя трогать, значит, ее нельзя трогать.

– Но у меня заказ, а она мешает проехать, – возразил кебмен, когда я подскочила к ним.

Геррунд ткнул пальцем ему в лицо.

– Приятель, еще немного, и ты у меня никуда не поедешь, – пригрозил он. Затем, заметив меня, добавил: – Прошу прощения, миледи.

Кебмен замешкался. Тем временем к нам присоединился джентльмен в инвернесском плаще. Зачем он так вырядился в жару?

– Уберите ее с дороги, – приказал он. – У меня скоро встреча.

– Троньте ее, и мой слуга устроит вам встречу с зубным врачом, – возразила я. Мелькнула мысль: не найдет ли Антон Герви местечко для меня в своей страховой конторе.

– Устрою, – подтвердил Геррунд, и незнакомец отступил, поняв, что нарвался на парочку отъявленных забияк.

Я присела на корточки, чтобы получше рассмотреть пострадавшую женщину, и попыталась вспомнить то немногое, чему меня научил Ромул. Больше всего я узнала, когда он был студентом и я помогала ему готовиться к экзаменам. Тогда я узнала достаточно о строении и функциях почек, что-

бы перестать их есть, но эти знания представлялись бесполезными как в данный момент, так и в обозримом будущем.

Лицо женщины было измазано конским навозом, из которого торчала солома. Я машинально счистила часть помета большим пальцем и отвела с ее лица черные волосы, тоже покрытые экскрементами. У нее был сильно разбит нос – вероятно, сломался при падении, – и крови было так много, что я не могла разглядеть ее левый глаз.

Как я и предполагала, она лежала без сознания, но, по крайней мере, дышала, шумно втягивая воздух ртом.

Вокруг собиралась толпа зевак, которых можно было разделить на любопытствующих, обеспокоенных и раздражительных. Ко мне протиснулась Агнуст. У нее на левом боку висела под мускулистой рукой моя громоздкая аптечка.

– А ну назад! Дайте бедняжке подышать, – приказала она прохожим. – Да не вашей вонью! – Агнуст оттолкнула локтем кучера. – Ваш ящик с медикаментами, миледи.

Она не любила называть аптечку аптечкой, считая, что это слово неприлично произносить как на людях, так и в одиночестве.

Агнуст неуклюже присела. На людях она часто обращалась ко мне с преувеличенной вежливостью – ведь если я была знатной дамой, то ей подобало вести себя как горничной знатной дамы. Под мышкой у нее был сложенный номер «Таймс». Не подумала же она, что мне понадобится чтение? Как оказалось, нет. Она благоразумно расстелила газе-

ту на земле и поставила аптечку сверху. Ее приготовил для меня Ромул. Однажды он увидел, как мать пыталась остановить носовое кровотечение у маленького мальчика, перетянув ему шею жгутом. С тех пор он стремился обучить всех основным приемам первой помощи, но устроенные им бесплатные курсы не пользовались успехом, потому что он не обещал кормить посетителей.

В аптечке было три отделения, но я не помнила, что в них лежит, поскольку пользовалась ею лишь однажды, когда Геррунд проткнул себе руку, вскрывая упрямую устрицу. Я выдвинула верхний ящик. Мазь от укусов пчел, мазь от укусов ос, нюхательные соли, ножницы и пинцет. В среднем, помимо прочего, обнаружились медицинская косынка, шина для пальца и повязка на глаз. В большом нижнем ящике стояла бутылочка с генцианвиолетом; Ромул читал статью в немецком журнале, где утверждалось, что этот краситель убивает микробов. Вокруг нее были плотно уложены скатанные бинты, салфетки и марля. Кусочком марли я вытерла навоз со щеки женщины, выбросила марлю и взяла второй кусочек, чтобы очистить поврежденный глаз. Только тогда я поняла, что его нет. На месте левого глаза зияла полость, слишком большая для пустой глазницы и затрагивавшая крыло носа.

О боже!

Должно быть, несчастная при падении напоролась на что-то острое. Зная, что рану лучше не трогать, я прикрыла ее большим куском марли. Марля сразу же пропиталась кро-

вью, но я ничего не могла с этим поделать. На всякий случай я полила марлю генцианвиолетом, развернула бинт и обернула им голову женщины, приподнимая ее осторожно и невысоко. Ромул предупреждал, что при падении возможны травмы шеи.

– Ножницы. – Агнуст подала мне ножницы, и я отрезала остаток бинта. – И булавку.

Она уже держала наготове безопасную булавку. Когда-то она вместе со мной посещала курсы Ромула, но ушла с занятия, когда мой кузен начал демонстрировать иммобилизацию вывихнутой лодыжки, выбрав для этого, к негодованию Агнуст, некую молодую леди. Не имело значения даже то, что это была Джейн, жена Ромми.

Я закрепила повязку булавкой.

Что дальше? Мысленно я повторила наставления Ромула. Расстегнуть одежду? Это если человек упал в обморок или у него эпилептический припадок. Успокоить пациентку? Она меня не услышит.

«Вызвать врача», – подсказала Руби.

– Хорошая идея, – сказала я вслух.

Рядом стояла оборванная девчонка, чьи лицо и руки были искусаны блохами. Ей было лет десять или двенадцать, не больше, но точно сказать было сложно. Недокормленные дети развиваются медленно, если вообще доживают до подросткового возраста.

– Ты ее знаешь? – спросила я и взмолилась про себя: «Гос-

поди, только бы это не была ее мать».

– Я знаю, что не откажусь от этих ботинок, – ответила она. И поспешно добавила, чтобы я не обвинила ее в бесчувственности: – Ну, когда она помрет. Тогда-то они ей ни к чему будут.

Я посмотрела вниз. Ноги девочки были обмотаны грязной рваной тканью, завязанной вокруг щиколоток.

– Сходи за скорой помощью, и я дам тебе шиллинг, – предложила я, и она скривилась.

– Далеко-о. Три шиллинга и ботинки в придачу.

– Тут идти пять минут, – возразила я. – А ботинки я не могу тебе отдать, они не мои.

– Ну и сиди тут, жадина.

Девочка презрительно тряхнула головой, к которой намертво прилипли спутанные светлые волосы.

– Иди за врачом, не то получишь подзатыльник, – пригрозил Геррунд.

– Я схожу, – вызвался парень в форме разносчика телеграмм. – На велосипеде быстрее. – Он слегка сдвинул назад свою фуражку. – Но малышка права, это будет стоить три шиллинга.

– Это моя работа, – возразила девочка.

– Ты от нее отказалась, – заявил парень, перекинул ногу через раму велосипеда и уехал.

– Урод вонючий! – завизжала она ему вслед. – Я торговалась, как негроциянт!

Девочка снова повернулась ко мне. Хотя ситуация была ужасная, я обнаружила, что улыбаюсь, и быстро подавила улыбку.

Было удивительно, что она вообще знает это слово и тем более знает, что оно значит.

– Держи. – Я протянула ей полкроны. – Купи себе ботинки.

– И пинту строма, – усмехнулась она, исчезая.

Стромом местные жители называли напиток, похожий на ром, который делался из свеклы. Мерзкий на вкус, но очень крепкий. Ромул пользовался им для хранения анатомических образцов. Жемчужиной его коллекции был одноглазый младенец, который родился мертвым в поле близ Лоуэр-Даунхилл-Апа. Мать скрылась, пока он пытался оживить новорожденного.

Правый глаз нищенки открылся, и она попыталась сесть, всхлипывая от боли. Я положила руку ей на плечо.

– Лежите спокойно. Помощь уже в пути.

Она снова растянулась на мостовой.

– Я пришла вас предупредить, – простонала она.

Ее единственный глаз обшаривал толпу.

– Вам не стоит разговаривать, – посоветовала я, и она закашлялась, забрызгав кровью мое платье.

– Он убьет вас, если будете лезть, – выдохнула она.

– Кто? – спросил Геррунд.

– Он…

– Кто?

– Оставьте ее в покое, – велела я.

– Хозяин.

– Герви? – удивленно переспросил Геррунд.

Женщина схватила меня за руку и попыталась ее оторвать.

– Лежите спокойно, – попросила я, видя, что она заворочалась. – Доктор будет здесь с минуты на минуту.

Она поднесла другую руку к голове и поскребла ногтями повязку.

– Черт! – прошипела она. – Мне больно. – И снова закашлялась. – Больно.

Прежде чем я сказала ей не трогать повязку, она упала на спину, ударившись головой о бордюр, сделала последний, уже бесполезный вдох, выдохнула и замерла.

Я знала, что надежды мало, но наклонилась и приложила ухо к ее груди.

– А ну, тихо! – рявкнул Геррунд, и гомон голосов, который я едва замечала, ненадолго умолк.

Мне в щеку уперлись ее ребра, но они не шевелились. Я вытерла лицо маленьким белым полотенцем, вытерла руки другим полотенцем, бросила их на стальное блюдо в форме почки и закрыла ящики аптечки.

– Женщина-врач, – ошибочно и с отвращением заключил крупный человек в высокой бобровой шапке. – Это противоестественно.

– Если вы являете собой пример естественности, – пробормотала я, – то я рада не быть естественной.

Правый глаз нищенки был открыт, и я закрыла его. Скоро ее тело остынет.

– Господи, прими ее душу с миром, – услышала я и увидела, что у меня за плечом стоит побелевшая Марта.

– Душу? – презрительно фыркнул кебмен. – Это уличная босячка. Нет у ней никакой души.

В течение нескольких секунд я испытывала сильнейшее искушение ударить его, но, конечно же, не сделала этого. Я встала и резко откинула голову назад – у местных это называлось «взять на калган».

– Овца слепошарая! – выругался он, отшатнувшись, и осторожно ощупал нос. – Чуть все мозги не вышибла.

– Мозги? – презрительно переспросила я, с удовлетворением наблюдая за тем, как у него из правой ноздри вытекла струйка крови и потекла через неопрятные усы. – Нет у тебя никаких мозгов.

«Что ты себе позволяешь? Дерешься на улице? – Руби цокнула языком. – Да ты ничем не лучше меня».

15
Мадонна и коряга

Марта Райан обхватила себя руками, словно вокруг бушевала метель.

– С вами все благополучно? – глупо спросила я, хотя было очевидно, что благополучно не все.

Она была бледна, дрожала и тревожно покачивалась.

– Кажется, я немного не в себе.

Агнуст тяжело поднялась и сказала:

– Идемте с Агнуст, мэм. Я вас живо поставлю на ноги.

Она взяла Марту под руку, подхватила сундучок с медикаментами и направилась к Брейк-Хаусу.

– Ее бессмертная душа вознеслась к нашему небесному отцу, – благоговейно заметил мужчина в мясницком полосатом фартуке. – Что ж, – вздохнул он с удивлением, – теперь, по крайней мере, мы можем ее перенести.

– Пока нельзя, – настойчиво повторила я.

– Помогите-ка, – попросил он кебмена.

– Тронешь ее хоть пальцем, и я его отрежу, – пригрозил Геррунд, и мужчины заколебались, не желая проверять, готов ли он привести угрозу в исполнение.

– Надо позвать священника, – предложил кто-то.

– Он наверняка ошивается неподалеку, – заявила матро-

на в лоскутной шали. И объяснила, ничего не объяснив: – В такую жару от них отбою нет, ровно как от мух.

– Кто-нибудь видел, что произошло? – спросила я.

Вперед вышла цветочница. Ее корзина была пуста – скорее всего, она побывала в отеле «Парадиз». Многие гости и работники отеля любили вставлять цветы в петлицы.

– Я видела, леди. Вы ей голову замотали, и она померла.

– Я имела в виду, до этого.

– Это как? – спросила она. – Вчерась, что ли?

«Полагаю, она имеет в виду вчерашний день», – сказала Руби Хефти, который делал пометки.

Он уже положил в портсигар голубиное перо, надеясь, что оно послужит важной подсказкой, поскольку не забыл, как раздавленная ягода в Британском музее вывела его на след Убийцы-под-омелой.

– Почему она упала?

– Ты тут знахарка, – сообщила она вместо ответа, и я задумалась, считается ли это теперь доказанным настолько, чтобы у меня под дверью стояла очередь страждущих, и сколько мне в таком случае брать за консультацию. – Есть сигарета?

Я носила с собой сигареты, чтобы предлагать их людям в качестве поощрения или награды, но цветочница сигарету еще не заработала.

– Я не курю, – честно ответила я.

– Потому и коротышка.

«Кто бы говорил!» – взвилась Руби, возмутившись за ме-

ня.

– Кто-нибудь слышал хлопок? – спросила я у собравшихся, и они стали переглядываться.

– Ну тут как, – сказал один, в засученных до колен штанах. – Если хотите, чтоб я слышал, то я слышал. Если хотите, чтоб не слышал, то не слышал.

– Кто-нибудь видел, что произошло?! – возопила я.

– А что дашь? – спросила бритоголовая молодая женщина.

– Ничего, – ответила я, не намеренная платить за выдумки, и она плюнула на мостовую.

– Ничего? – недоверчиво переспросила она, поскольку ее время ценилось чрезвычайно высоко. – Тогда я ничего и не видела.

Прибыл констебль с дубинкой наперевес, хотя я понятия не имела, для чего он собирался ее использовать. Констебль был худой, потрепанный непогодой, в слишком большом шлеме, который наезжал ободком на лохматые брови.

– А ну, отойдите, – сказал он мне, не обращая внимания на остальных.

– Эта женщина мертва.

– Ну хорошо. – Он повесил дубинку обратно на пояс. – Надо убрать ее с дороги.

– И все? – спросила я, ошеломленная скоростью расследования.

– Нет, конечно, – успокоил он меня. – У нас есть телега,

покладем ее да увезем.

Я не была уверена, что он выразился правильно, но была уверена, что мне это безразлично.

Я набрала воздуху в грудь:

– Больше вы ничего не хотите выяснить?

– Ну а чего тут еще выяснять? – задумался он.

– Как она умерла? – спросила я, и констебль пожал плечами.

– С ней что-то не так. Это сразу видно.

– Да, но…

– Иначе зачем бы ей ходить к костоправу?

Я что-то упустила? В руках у женщины не было визитной карточки врача.

– Откуда вы знаете, что она ходила к костоправу?

Констебль фыркнул, несомненно утомленный тем, что потратил всю свою карьеру на объяснение простых вещей еще более простым женщинам.

– Я пользуюсь своей полицейской подготовкой и все подмечаю, что происходит вокруг. – Он постучал себя по голове, словно проверяя, нет ли там жука-древоточца, и мы с Руби не удивились бы, если бы жук обнаружился. – У ней голова перевязана.

– Но это сделала я.

– Это она, – подтвердил худосочный мужчина в воротнике, рассчитанном на толстяка. – Замотала бедняжке голову, обрызгала ее чернилами, та и померла.

Заявление цветочницы уже стало общепризнанной истиной, как и слова вулпитской мадонны, которая явилась дочери сыровара и потребовала, чтобы люди чаще ели суффолкский крамбл.

– Она, это она, – понеслось по толпе, словно по волнам, кружась, плыла коряга.

Неужели меня собирались обвинить в смерти женщины и растерзать на месте, как пасечника из деревни Горхэм, который был обвинен в попытке поджечь приходскую церковь, когда выкуривал ос с колокольни? Я решила, что вряд ли, поскольку никто из присутствующих не выглядел обеспокоенным.

Констебль посмотрел на беспорядок, который я устроила.

– Чернилами? – недоверчиво переспросил он.

– Это антисептик, – сказала я.

– Он – тесептик? Это кто, свидетель?

– Нет, – сказала я, не утруждая себя ответом на первый вопрос, о котором констебль, похоже, уже забыл.

– Тогда зачем его упоминать?

– Да у этой кобылы не все дома, не видно, что ли? – галантно объяснил мужчина в подвернутых штанах, и так вопрос был разрешен к удовольствию констебля.

Мальчик с открытками, чьи скрюченные ноги временно излечились, рассматривал зонтик. Я решила, что это зонтик слепого, но потом увидела, что спицы сломаны, а ткань изорвана.

– Жалость-то какая, – вздохнула молодая женщина в тартановой шали, и я порадовалась, что хоть кому-то есть дело до покойницы. – Такие годные ботинки пропадают.

«Хвала небесам, у нас есть законы об образовании», – съязвила Руби.

– А она как же? – воскликнула я.

– Не шумите и не забивайте себе голову, – посоветовал констебль. – Похороним ее, как всех нищих хороним.

– А платить за это нам, – посетовал дряхлый продавец орехов в черном берете, хотя я сомневалась, что он за всю свою жизнь заплатил хоть один фартинг налога, и подозревала, что его после смерти, скорее всего, ждет та же участь.

– Есть у вас хоть какие-то человеческие чувства? – спросила я у собравшихся. – Что с вами со всеми не так?

Толпа, которая уже начала расходиться, потянулась назад – как мне показалось, робко.

– Ну, у меня грудной кашель, – сказал мясник в полосатом фартуке, вымазанном кровью и облепленном кусочками потрохов.

– А у меня побаливает печень, – добавил джентльмен, поглаживая свои потроха под жилетом.

– У меня нос сломан, – бессовестно преувеличил мужчина, которого я взяла на калган.

– И это все, что вас волнует? – укорила их молодая женщина в довольно красивом голубом чепце. – У меня вросший ноготь на ноге, но вы не услышите от меня жалоб на него.

– Ах ты, бедная овечка, – посочувствовал констебль.

– Я стараюсь быть храброй, но иногда… – Она разрыдалась. – Это больно.

«Слово „сочувствие“, – сказала мисс Кидд, когда я упала с крыши беседки и сломала запястье, – происходит от двух корней, означающих „совместный“ и „чувство“. Так же устроено латинское слово sympathia, которое, в свою очередь, происходит от греческого sumpatheia. Точно неизвестно, у кого позаимствовали сочувствие греки, но будьте уверены, леди Вайолет Элизабет Антуанетта Корделия Торн, что не у меня».

Мне предстояло узнать, что философию мисс Кидд разделяют очень многие – столь многие, что я удивлялась, как они еще не захватили мир. А может, и захватили, думала я, возвращаясь в Брейк-Хаус.

16
Сон с открытыми глазами и хрупкость жизни

В Тетбери-Холле проточная вода поступала только через крышу во время дождя. В Брейк-Хаусе имелся современный водопровод из свинцовых труб, хотя, по общему признанию, из кранов текла либо обжигающе горячая и ледяная вода, либо только ледяная, поскольку газовый водонагреватель был капризен, как примадонна.

Я вымыла лицо и руки и быстро переоделась, после чего присоединилась к Марте в гостиной. Агнуст снабдила ее щедрой порцией коньяка Martell и усадила в кресло, предусмотрительно выбрав то, что стояло спиной к окну.

– Вы, должно быть, считаете, что я ужасно слабая, – сказала Марта, гася окурок.

«Слабая, как австралийцы», – подтвердила Руби, безмерно гордившаяся своей победой над Вомбатом Уолтером, чемпионом Тасмании, в соревновании по армрестлингу.

– Ни в коем случае, – заверила я Марту. – Эта смерть не может не шокировать.

– Но вы казались олицетворением спокойствия.

– Только с виду.

Моя гостья поставила стакан на низкий столик перед со-

бой, и мне захотелось налить себе чего-нибудь.

– Я грубо отзывалась о вашей горничной, – призналась она, хотя мне не показалось, что она была так уж груба, – но в трудную минуту она – настоящее сокровище.

«А в остальное время – настоящее испытание», – немилосердно подумала я.

– В душе она добрая женщина, – сказала я вслух, хотя то же самое говорили о Дженит Парстей, которая заживо похоронила двух мужей и невестку, потому что случайно купила на аукционе целую кучу гробов и не хотела, чтобы они пропали зря.

Марта потеребила свое ожерелье.

– Мне стыдно, – призналась она. – По сравнению с тем, что произошло сегодня, моя проблема кажется пустяком.

– Напротив. То, что произошло, напоминает, как хрупка жизнь и как важно беречь то, что нам дорого. Похоже, вы потеряли дорогого друга, и я считаю, что вы, по крайней мере, имеете право знать почему. Можете прийти завтра?

Марта положила мундштук в покрытую черным лаком коробочку из папье-маше с откидной крышкой и убрала коробочку.

– Вы уверены? Наверняка у вас есть куда более важные дела.

– Ничего срочного.

«Что?! – возопила Руби Гибсон. – Мне осталось несколько секунд до смерти. Куда уж срочнее?»

– Тихо! – сказала я вслух, хотя и не собиралась этого говорить, и поспешила захлопнуть окно, чтобы скрыть свою ошибку. – Тому, кто изобрел колесную лиру, есть за что ответить перед всем человечеством.

– Я и не слышала, что лирник играет, – сказала Марта.

– Он еще только расстраивает инструмент.

Почему я всегда попадаю в переделки?

«Потому что спите с открытыми глазами», – ответила мисс Кидд, подняв линейку, чтобы вытянуть меня по костяшкам пальцев. Хотела бы я иметь возможность сказать ей, что теперь мне платят за фантазии. Как бы я ее ни ненавидела, она не заслужила своей ужасной участи. Если подумать, то, будучи реальной и – насколько мне было известно – живой, она не имела никакого права вторгаться в мою голову.

– Это же время подойдет? – спросила Марта, и я свалилась с облаков обратно в реальный мир.

Я могла бы притвориться, что сверяюсь с книжечкой, но этим занимались метрдотели в слишком дорогих и малолюдных ресторанах.

– Вполне, – согласилась я, и она взялась за сумочку. – Но не спешите, допейте.

– Ваша служанка очень любезно принесла мне этот стакан, но я к нему не притронулась. – Марта встала. – Боюсь, я не люблю бренди.

– Я тоже.

Бренди подарил мой агент Тед Уилтон, который получил его от благодарного клиента и которому напиток тоже не нравился. Мне вспомнилась ваза, которую я когда-то послала крестной. Она девять лет путешествовала от дарителя к дарителю, после чего крестная получила ее от соседки на день рождения и подарила мне на Рождество.

– Почему эта бедная женщина сказала, что кто-то собирается вас убить? – вспомнила Марта, несмотря на шок.

– Думаю, у нее путались мысли, – ответила я. – Я никогда раньше ее не видела.

Я проводила Марту до двери.

– Вы ведь не случайно ударили того кебмена? – спросила она уже спокойнее.

– Рада, что не надела шляпку, – ответила я. – Она была бы испорчена. – Я потрогала свои волосы. – Голова немного болит от ушиба, но я утешаюсь мыслью, что его рылу пришлось гораздо хуже.

Марта рассмеялась и взяла протянутую мной руку, но при этом наклонилась вперед, чтобы поцеловать меня в щеку.

– Благослови вас Господь, леди Вайолет Торн, – сказала она, и было время, когда я думала, что Господь ко мне милостив.

=♦=♦=♦=

«У меня может быть фляга со сверхмощной кислотой, которая разъедает сталь за считаные секунды», – предложила Руби так неожиданно и громко, что я чуть не подавилась жевательной резинкой.

«Но именно так ты растворила прутья решетки в тасманской тюрьме», – сварливо напомнила я, выкашливая жвачку в обертку.

«Это ведь не будет очередным фиаско, вроде „Костей Борнео“?»

Руби так и не позволила мне забыть, что однажды я оставила ее вариться в котле у охотников за головами. Я не дописала ту историю, но была весьма огорчена, когда популярная у публики Гортензия Девайн, придуманная Грэнтэмом Хогартом, оказалась в такой же опасности и спаслась именно тем способом, который я обсуждала с Тедом Уилтоном.

«Авторские права не защищают то, что не написано, – бессовестно заявил Тед, когда я пожаловалась ему. По сов-

падению, он также представлял на рынке куда более прибыльные интересы мистера Хогарта. – И вообще, я подал вам идею с плотоядными зебрами, которые избавляются от трупа».

«И я буду вам благодарна, если когда-либо ею воспользуюсь», – пообещала я.

«Уже не воспользуетесь, – сообщил он. – Я упомянул ее в разговоре с Грэнтэмом, и его книга выходит в следующем месяце».

«Агенты, – презрительно поморщилась Руби. – Может, им и причитается всего десять процентов гонораров, зато на пару с издателями они забирают сто процентов души».

«Ты должна быть им благодарна за то, что у тебя есть душа», – сказала я. Если бы ее приключения не попали в печать, она повторила бы путь баронессы Борнмутской, Барнаби Брайтона и всех остальных героев, томившихся в безвестности на дне моего сундука с рукописями.

«Выпусти нас!» – кричали они, не понимая, что может сделать с ними безжалостный литературный агент.

17
Черепаховый панцирь и телеги, атеист и пятно

На завтрак были жареные почки – Геррунду не было дела до того, что функции этих органов будят во мне брезгливость, – яичница и тосты.

– Бог мой, сколько еды, – заметила я, пока Агнуст наливала мне кофе.

Несмотря на ранний час, в затененной столовой было слишком жарко, и я охотно ограничилась бы парой тостов.

– Геррунд старается, чтоб вы стали повыше, – ответила она.

– Поздновато. За последние десять лет я не выросла ни на дюйм.

– Еще и девяти нет, – возразила Агнуст, проливая кофе на скатерть и жалуясь на мою неуклюжесть.

Агнуст очень гордилась тем, что умела определять время; по ее словам, она первой в своей семье приобрела этот навык. И, скорее всего, последней, поскольку из четырнадцати детей выжила только она.

– Бесспорно, – согласилась я и принялась за еду.

Давно ли слуги стали указывать нанимателям, какого размера те должны быть? Быть может, это начало революции

и моя жизнь закончится на Трафальгарской площади, когда отрубленная голова упадет в корзину?

«Я сорвала заговор анархистов, целью которого было уничтожить парламент», – напомнила Руби, как будто я могла это забыть. Уже одно название «Реки крови» вызвало такой взрыв негодования, что эта книга до сих пор продавалась лучше, чем любое другое мое сочинение. Однако мне не разрешили назвать следующую книгу «Кровь в канаве», а под названием «Гибель в дождливую среду» ее продажи были хороши ровно настолько, чтобы разочаровывать.

Я просмотрела «Хроничку» – так обычно называли «Монтфордскую хронику». Плотник, пропавший девять лет назад, был найден мертвым в подвале пустующего дома на Бридж-стрит. Предполагали, что лестница, которую он строил, рухнула, завалив его обломками, и он, хотя и не пострадал, оказался в ловушке и умер от голода, тем медленнее, что под рукой у него был водопроводный кран. С невольной иронией вдова обвиняла полицию в том, что та пренебрегла важными ступенями расследования, когда искала его. Я вырезала статью, чтобы положить ее в папку, где хранились прочие вырезки о необычных смертях, включая верхолаза, напоровшегося на громоотвод, и прачку, которая вываривала белье и упала в котел с кипятком. Этот инцидент породил безвкусную шутку о миссионерах и каннибалах.

Закончив завтрак и наслаждаясь первой за день пластинкой Beeman's, я разобрала почту. Некий мужчина с большим

состоянием хотел жениться на мне и обещал выслать свою фотографию в купальном костюме, если я отправлю ему почтовый перевод на десять шиллингов. Обязательно это сделаю, решила я, в тот самый момент, когда потеряю рассудок.

«Не знала, что ты его нашла», – проворчала Руби, но звук дверного звонка вырвал меня из задумчивости. Он был излишне резким, и я намеревалась его заменить. Однако когда речь заходила о благоустройстве дома, я всегда предпочитала не откладывать на завтра то, что можно отложить на неопределенный срок.

Судя по тому, сколько времени и усилий ушло у Агнуст, чтобы открыть дверь, после того как я в последний раз прошла по коридору, в дом тайком пробрались строители и существенно его удлинили.

– Делать мне нечего, только свою работу работать, – проворчала она, проходя мимо столовой.

Послышались голоса, входная дверь захлопнулась, и Агнуст снова появилась передо мной.

– Опять эта миссис Райан. Что она здесь делает в это время?

– У миссис Райан назначена встреча.

– Вы мне ни о чем таком не рассказывали.

– Я не обязана.

– Что ж. – Кулаки уперлись в бедра. – Поработаем над этим.

– Поработаем, – согласилась я. – Проведите ее в гостиную.

– Двадцать лет и четыре годика назад вы со мной так не разговаривали, – пожаловалась Агнуст.

– Двадцать четыре года назад я едва выговаривала «мама» и «папа».

– Хорошо бы этим все и закончилось, – пробормотала служанка, забирая мою недопитую чашку.

– И нам понадобится кофе, – сказала я вслед.

– Да у ней скоро кофе из горла хлестать начнет, – предсказала Агнуст, уходя. Быть может, она тоже представляла меня на гильотине?

Я встала, чтобы посмотреть на себя в зеркало. Мои волосы были собраны в узел на затылке с помощью черепахового гребня. Как и большинство Торнов, я чрезвычайно гордилась своей густой черной шевелюрой… но что это, седой волос?! Я вырвала его и увидела, что он почти белый. Что дальше? Я начну лысеть?

«Однажды ты заставила меня надеть парик», – напомнила Руби, но парик был ей нужен, чтобы пронести бомбу в логово Страсбургского мясника, Отто Страттингера, а я в это утро не собиралась прятать в своей прическе взрывчатые вещества.

«Перестань болтать о париках!» – прикрикнула я на нее, вспомнив, что она потом жаловалась несколько дней.

Я расправила свое пунцовое платье, окрашенное ализарином. Агнуст не одобряла моего пристрастия к красной одежде, но у меня было приготовлено для нее два оправдания. Во-

первых, когда я одевалась ярко, высоким людям было сложнее меня не замечать; во-вторых, яркое платье предупреждало любителей воровать одежду у детей, что я могу быть опасна. Одна из воровок, неправильно оценив мой возраст, угрожала мне во время визита в Ипсвич, и мне пришлось засадить наконечник зонтика ей в глотку до самых гланд, чтобы заставить ее отступить. «Носила бы, что ли, по доске с надписью спереди и сзади, чтоб все видели, что ты не ребенок», – заявила она, и я бы с удовольствием посмотрела на ее лицо, если бы воспользовалась советом.

Марта стояла посреди комнаты. Сегодня она была одета в светло-зеленое. Платье, жакет, зонтик и сумочка были расшиты папоротниками, а летнюю шляпку украшали листочки. Я думала, что жадно и довольно успешно слежу за лондонской модой, но достаточно было войти моей новой знакомой, чтобы я почувствовала себя женой безработного мужлана.

– Доброе утро, Вайолет, – поздоровалась она, взяв мои руки в свои и целуя меня непринужденно и естественно. – Какое красивое платье, – добавила она таким тоном, словно действительно так думала.

– Сегодня вам получше? – спросила я, стараясь (вероятно, безуспешно) не жеманничать.

– Было получше, пока я не вышла на площадь. Потом все вернулось. Не понимаю, что с ней случилось.

Я выпустила ее руки, завидуя этим длинным тонким паль-

цам. Мои, как и прочие члены моего тела, были короткими.

– Я подумала, что она упала на шипы ограды вокруг статуи короля Эдмунда, – сказала я и внезапно осознала, что у меня во рту по-прежнему находится жвачка, – но с первыми лучами солнца я обошла площадь, и…

Наверно, все это время я чавкала жвачкой, но что мне теперь было делать? Вряд ли я могла ее выплюнуть, а Агнуст предупреждала, что проглоченная жвачка запрет мне кишки, к числу каковых она относила почти все внутренние органы. Но я была умнее Агнуст и проглотила жвачку – после чего немедленно убедилась, что Агнуст была права. Жвачка застряла у меня в пищеводе на полпути к желудку. Я кашлянула, и она немного приподнялась, а затем снова опустилась – и на этот раз попала не в то горло.

– У вас все хорошо? – Марта присмотрелась ко мне с тревогой, и мне удалось кивнуть, но, видимо, не очень убедительно, потому что она положила руку мне на плечо и спросила: – Может, вам нужно принять какое-нибудь лекарство?

Я отмахнулась. В детстве я устроила соревнование с человеком, который приходил устранять засоры, – кто дольше просидит без воздуха. Он победил, но я продержалась больше полутора минут, прежде чем сдаться. Вероятно, я уже почти достигла этого предела, но, в отличие от того раза, не могла выйти из игры. Я снова кашлянула изо всех сил, но их было не очень-то много, поскольку я не могла вдохнуть воздух, чтобы мне было чем кашлять.

– Бог мой! – ужаснулась Марта. – Ваше лицо очень странного цвета.

Не те слова, которые женщине хочется услышать в свой адрес, особенно если они могут стать последними в жизни. Я кашлянула в третий раз, удвоив усилия.

– Позвольте мне помочь.

На мою спину обрушился удар, который сделал бы честь Смиту Кувалде. Я рефлекторно выдохнула, и жвачка вылетела у меня изо рта. Я успела поймать ее и поспешно сжала кулак, но опоздала на долю секунды.

– Это жевательная резинка? – спросила Марта.

– Возможно.

Я ждала, пока женщина, считающая вполне приемлемым вдыхать дым листьев, скажет, что у меня отвратительная привычка.

– О! – заинтересовалась она. – Никогда не пробовала.

– Хотите? – предложила я. И поспешила добавить: – Конечно, не эту, а свежую.

Потом я завернула выплюнутое в листок бумаги и выбросила в мусорное ведро. Новое, крашеное, металлическое, оно сменило корзину для бумаг, которую поджег непотушенной сигарой дядя Хоули.

– Да, пожалуйста.

Вошла Агнуст с подносом.

– Она и вас приучила? Мерзкая привычка.

Это говорила женщина, которая втягивала ноздрями та-

бачный порошок со специями, поскольку слышала, что принц Уэльский нюхает табак, и поскольку его действия служили прекрасным примером для будущих подданных.

Она поставила поднос и ушла.

– Она когда-нибудь бывает довольной? – усмехаясь, спросила Марта.

– Постоянно, – заверила я. – Она была бы несчастна, если бы ей не на что было ворчать, и я исправно поставляю ей поводы.

Марта улыбнулась, и мы сели к столу.

– Как вам жвачка? – спросила я, и она задумчиво пожевала.

– Прекрасно и ужасно.

– Именно. Утверждают, что она способствует пищеварению.

– Вашему она не очень-то поспособствовала. – Я рассмеялась. – Не возражаете, если я…

– Воспользуйтесь оберткой, – сказала я и подставила мусорное ведро.

Потом я устроилась рядом с ней, и мы обе стали смотреть на улицу.

Безумный Гарри – так он сам себя называл, а кто я такая, чтобы спорить? – прошел мимо, размахивая плакатом с надписью: «ВЧЕРАСЬ КОНЕЦ МИРА». Мама часто говорила, что я пропущу это событие, если буду такой рассеянной, и, похоже, она была права.

– Пожалуй, для той бедной женщины вчера действительно наступил конец мира, – задумчиво проговорила Марта. – Вы говорили, что выходили на площадь.

– Да, – спохватилась я, ибо мало что отвлекает от разговора так, как угроза смерти от удушья. – Чтобы посмотреть на ограду. Шипы еще острее, чем я думала, но ограда выше. Наверное, та женщина была выше меня ростом, но чтобы упасть на шип, ей нужно было быть намного выше шести футов.

– Тогда что, по-вашему, произошло?

– Возможно, сегодня вечером у меня появится более четкое представление. Мой кузен – врач, и он согласился осмотреть тело.

Ромула не пришлось долго уговаривать.

– Только пусти меня к ней, – сказал он, когда я позвонила, и мне показалось, что я слышу, как он радостно полирует свою хирургическую пилу.

Марта затеребила застежку сумочки.

– Курите, не стесняйтесь, – сказала я, поскольку было очевидно, что ей хочется закурить.

– Вы уверены?

– Если вы не против, что я открою окно.

Я подняла нижнюю створку.

– Узнайте первыми! – прокричал продавец газет. – Мужчина из Монтфорда занял третье место на соревнованиях по умению стоять неподвижно.

– Боже! – воскликнула я. – Это будит во мне гордость.

– Наверное, участников было всего трое, – усмехнулась Марта, и я снова села рядом.

– Вчера вы говорили, что думаете, будто муж вашей подруги держит ее в плену.

Марта напряглась, как будто мои слова стали для нее неожиданностью.

– Я впервые высказала свои опасения.

У меня на платье было небольшое пятно, и я надеялась, что оно не пахнет почками.

– Но как? – спросила я. – Он запирает ее дома?

Марта вцепилась в ручку своей сумочки так, словно висела на ней над обрывом.

– Не совсем, – осторожно ответила она. – По крайней мере, не все время. – Ее теплые ореховые глаза посмотрели мне в лицо. – О! У вас один глаз голубой…

– А другой – зеленый.

– Простите, я…

– Меня это не беспокоит. Мама говорила, что Бог не смог решить, какой цвет мне больше подходит, и сделал мои глаза разноцветными.

– Простите, – повторила Марта. – Я уклоняюсь от ответа на ваш вопрос. Все это звучит так глупо, когда я говорю об этом вслух.

– Как и большинство наших страхов. Но это не значит, что они не имеют под собой никакой основы.

Она вздохнула.

– Я бы все отдала, лишь бы узнать, что сама себя напугала.

– Тогда помогите мне помочь вам, – подтолкнула ее я, и она коротко кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.